Б. В. ШАПОШНИКОВ

ПОСЛЕДНЯЯ КВАРТИРА ПУШКИНА



АКАДЕМИЯ НАУК СССР



Портрет Пушкина работы неизвестного художникз.

(Публикуется впервые. Описание см. на стр. 31).

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

Б. В. ШАПОШНИКОВ

ПОСЛЕДНЯЯ КВАРТИРА ПУШКИНА

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО МУЗЕЮ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · 1940 · ЛЕНИНГРАД

Ответственный редактор Б. С. Мейлах

Редактор издательства и технический редактор Л. А. Федоров

Корректор Н. П. Лебедева

Сдано в набор 15 февраля 1938 г. — Подписано к печати с матриц 5 июля 1940 г. — Формат бум. 82 X 110 см (1/32). — 88 стр. + 3 вкл. илл. — 5 7/8 печ. л. — 3,17 уч.-авт. л. — 31 552 тип. зн. в п. л. — Тираж 2000. — Ленгорлит № 3085. — РИСО № 514. — АНИ № 294. — Заказ № 359.

Типо-литография Издательства Академии Наук СССР. Ленинград, В. О., 9 линия, д. 12



ВВЕДЕНИЕ

Со времени своего переезда в Петербург, после женитьбы, Пушкин переменил несколько квартир, не оставаясь ни на одной более двух лет.

Приехав из Москвы в 1831 г., он сначала поселяется в Царском Селе, оттуда переезжает в Петербург на Галерную улицу (ныне Красная, 53), в дом Брискорна. В 1832 г. он недолго живет на Фурштадтской (ул. П. Лаврова, 20), в доме Алымова, и переезжает на Б. Морскую (ул. Герцена, 26) в дом Жадимировского. В 1833 г. он поселяется на Пантелеймоновской (ул. Пестеля, 5), в доме Оливье, а в августе 1834 г. переезжает на Дворцовую набережную (наб. Жореса, 32) у Прачечного моста, в дом Баташева.

Лето 1836 г. семья Пушкиных проводит на даче, на Каменном Острове.

С 1 сентября Пушкин заключает контракт на новую квартиру в доме кн. С. Г. Волконской по набережной Мойки, № 12. Установить точно дату переезда Пушкина на эту квартиру не представляется возможным. Первое из сохранившихся упоминаний о новом адресе находим в письме Пушкина к отцу от 20 октября 1836 г. „Сначала мой адрес: на Мойке близ Конюшенного мосту в доме кн. Волконской. Я принужден был покинуть дом Баташева, управляющий которого оказался негодяем“. Можно предполагать, что переезд Пушкина на Мойку произошел не ранее первых чисел октября.

Таким образом Пушкин прожил на этой последней квартире около четырех месяцев.[1]

После смерти Пушкина и отъезда Н. Н. Пушкиной с детьми в имение ее брата „Полотняный Завод“ в квартире был произведен ремонт для въезжавшего в нее сына владелицы дома. В дальнейшем в квартире сменилось много различных съемщиков, в числе которых было и петербургское охранное отделение. Память о Пушкине в доме никак не сохранялась.[2] Следует отметить, что в 1910 г., при устройстве выставки „Союза русских художников“, в этом помещении захотели впервые обозначить место, где умер Пушкин, и место это было определено неправильно: бюст Пушкина был поставлен не в кабинете, а в столовой.

С 1837 г. планировка квартиры подвергалась существенным изменениям. В 1907 г. у владельцев дома возникает проект уничтожения стены между кабинетом Пушкина и детской, чтобы соединить обе эти комнаты в одну. Проект этот, видимо, не был осуществлен, так как в следующем проекте переустройства квартиры, относящемся к 1909 году, на сохранившемся плане стена эта продолжает оставаться. В свою очередь, проект 1909 г., осуществленный в 1910 г., в значительной степени меняет плани-

---

[1] Интересно отметить, что в этой же квартире провел свои молодые годы будущий декабрист Сергей Волконский. Он занимал квартиру „в нижнем этаже — при въезде в ворота от Пущинского дома“ (Записки С. Г. Волконского, 1902, стр. 134). Позднее М. Н. Волконская, рожденная Раевская, приехала в Петербург хлопотать о муже-декабристе и жила „в той самой квартире, где одиннадцать лет спустя умер Пушкин“ (Архив декабриста С. Волконского, Петроград, 1918, стр. XXIII).

[2] Только в 1887 г., к 50-летию со дня смерти Пушкина, на фасаде дома была установлена мемориальная доска, но самая квартира как место, где жил и умер поэт, не привлекала к себе внимания.

ровку квартиры. В целях повышения доходности дома размеры старых квартир уменьшаются; примерно в центре здания со стороны Мойки устраивается новый парадный ход, взамен бывшего парадного подъезда под воротами. Новый парадный ход с лестницей во второй этаж отрезает от квартиры Пушкина комнаты, граничившие со спальней и детской, и часть самой детской. Посреди квартиры прокладывается ломаный коридор, соединяющий новый вход в квартиру с бывшим парадным подъездом, превращенным в черный ход. Площадь прежнего вестибюля отходит под кухню и служебное помещение. Часть кабинета Пушкина, как раз в том месте, где он умер, переходит в коридор. В прежней передней, где лежало его тело после смерти, устраиваются ванная и уборные. Меняется планировка столовой, и производится ряд других изменений.

Только после Великой Октябрьской Социалистической революции, по предложению Пушкинского Дома Академии Наук, квартира поступает в ведение Пушкинского кружка общества „Старый Петербург". Пушкинский кружок частично реставрирует квартиру: часть коридора, проходящая через кабинет Пушкина, уничтожается, и комната эта приобретает свои прежние размеры.

В 1925 г. квартира переходит в непосредственное ведение Пушкинского Дома Академии Наук, и в 1926 г. в ней развертывается литературный музей. Экспозиция этого музея, несколько раз менявшаяся, ставила себе задачей дать общее представление о биографии и творчестве Пушкина на всем протяжении его жизни и не связывалась непосредственно с самой квартирой, планировка которой продолжала оставаться в измененном после смерти Пушкина виде.

Такой облик музей сохранял до осени 1936 года.

*

К столетию со дня смерти Пушкина в последней квартире поэта были произведены реставрационные работы, которые преследовали цель восстановить ее прежний архитектурный облик, нарушенный позднейшими переделками.[1]

По плану, утвержденному Всесоюзным Пушкинским Юбилейным Комитетом, произведена также коренная реконструкция находившегося в квартире музея.

Основными материалами, документирующими состояние квартиры Пушкина при его жизни, явились план квартиры, зарисованный Жуковским непосредственно после смерти Пушкина, и контракт, заключенный Пушкиным на наем этой квартиры. Кроме того использованы все сохранившиеся в воспоминаниях о Пушкине описания его квартиры и предметов ее обстановки.

Так как даже это ограниченное количество документов содержит много противоречивых сведений, то возникавшие при реставрации отдельные вопросы пришлось разрешать как путем критического сопоставления имеющихся сведений, так и проверкой их, производя исследования стен самой квартиры.

Затрудняло работу отсутствие точного архитектурного плана квартиры, отвечающего ее состоянию в 1836—1837 гг. Зарисовка Жуковского, в которой обозначены восемь комнат и вестибюль, хотя и дает отчетливое пред-

---

[1] Реставрационные работы велись под наблюдением комиссии, назначенной Институтом Литературы (Пушкинским Домом) Академии Наук СССР, в составе: Б. В. Шапошникова (заведующего музеем), художника-архитектора Б. А. Альмедингена (проектировавшего вместе с архитектором А. В. Модзалевским восстановительные работы), архитекторов Е. И. Катонина, Н. Е. Лансере и К. К. Романова.

ставление о планировке этой части квартиры, не свободна от явных ошибок и неточностей. Так, например, выступ дома по фасаду соответствует гостиной и спальне, а в зарисовке Жуковского он захватывает и столовую. Но эту ошибку легко обнаружить, и она не вызывает сомнений. Сложнее вопрос с дверью из гостиной в кабинет. На зарисовке Жуковского она совсем не отмечена, хотя, по воспоминаниям, такая дверь несомненно была. В данном случае вопрос усложняется тем, что на планах 1907 и 1909 гг. дверь эта приходится у самой стены, примыкающей к передней. Однако, у этой же стены, в гостиной, Жуковский отмечает угловую печь, которая, таким образом, исключает возможность нахождения двери именно здесь. Если допустить, что Жуковский в углу гостиной обозначил не печь, но что-то другое, а печь (или камин) была дальше от угла, по стене (там, где на планах 1907 и 1909 гг. обозначен камин), то становится непонятным, как мог Жуковский не заметить этого и не показать на своей зарисовке. Наконец, произведенное исследование стен не дало никаких убедительных доводов в пользу переноса двери ближе к боковой стене кабинета, и она сохранена в том месте, где была, очевидно вторично, прорублена в 1910 г. и где она всего более отвечает всем остальным подробностям планировки кабинета и гостиной на зарисовке Жуковского.

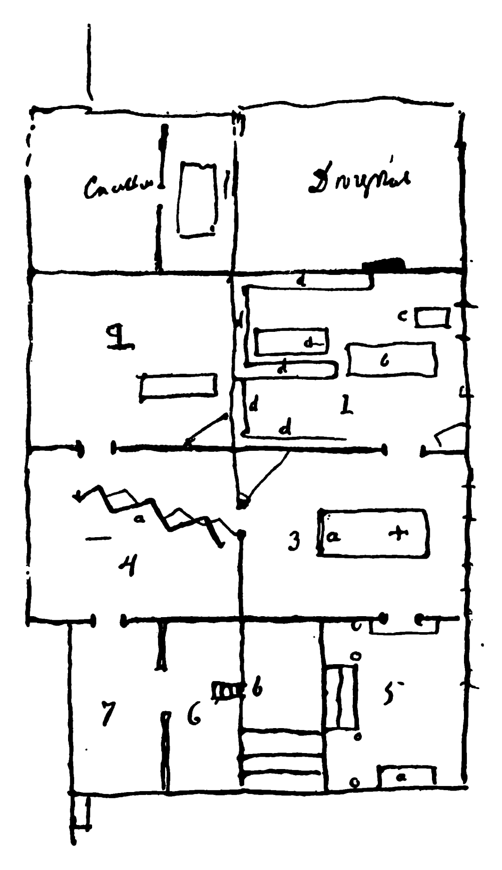
Другая неточность на плане Жуковского — отсутствие отметки камина в кабинете Пушкина — выяснилась без особого труда. Камин этот обнаружен посередине стены, противоположной двери из передней; так же легко обнаружено и место печи в детской.

При исследовании стены между вестибюлем и чуланом не удалось установить точные следы отмеченной Жуков-

ским двери с лесенкой, которая вела из вестибюля в чулан. Во время болезни Пушкина, когда парадная дверь из вестибюля в переднюю была закрыта и заставлена залавком, чтобы не беспокоить больного хождением через переднюю, навещавшие проходили непосредственно из вестибюля через маленькую дверь в чулан и через него в другие комнаты. Стена эта, много раз перекладывавшаяся, сохранила со стороны чулана следы довольно широкой и глубокой ниши, в которой в свою очередь имеются следы нескольких дверей, частью видимо относящихся ко времени более раннему, чем жизнь Пушкина в этой квартире.

Построенный в середине XVIII века, дом неоднократно переделывался еще до поселения в нем Пушкина. Кн. Волконская приобрела его у ассесора Алексея Жадимировского между 1804 и 1809 гг. В частности, есть основания предполагать, что комнаты, при Пушкине служившие столовой и буфетной, ранее вместе с чуланом составляли одну парадную комнату, вероятно залу, что объясняет, почему через нее не продлена кирпичная стена, отделяющая вестибюль от передней, которую, так же как и остальные стены, естественнее было бы довести до фасадной стены. При Пушкине на месте этой части кирпичной стены была деревянная перегородка, ныне восстановленная по старым следам.

Как уже было указано, перестройка дома в 1910 г. отрезала от квартиры Пушкина комнаты, граничившие со спальней и детской, и часть самой детской, которая раньше имела три окна. Для устройства нового парадного входа с набережной Мойки понадобилось тогда перенести одну внутреннюю капитальную стену, что сократило детскую на одно окно. Восстановление этой стены и комнат, уничтоженных для возведения лестницы во второй этаж



1. Кабинет: a) диван, на котором умер Пушкин; b) его большой стол; c) кресло, на котором он работал; d) полки с книгами.

2. Гостиная: a) кушетка, на которой лежала ночью Н. Н.

3. Передняя: a) здесь Пушкин лежал во гробе.

4. Столовая: a) так были поставлены ширмы, чтобы загородить гостиную, где находилась Н. Н.

5. Сени: a) здесь стоял залавок, которым задвинули дверь; b) маленькая узкая дверь, через которую ходили все посторонние.

6. Буфет с чуланом: здесь собирались приходившие осведомиться во время болезни, ночью, тогда как <?> заперли дверь в прихожую.

План квартиры, зарисованный В. А. Жуковским, с его пояснениями.

дома, требовало новой перестройки всей этой части дома. От этого пришлось отказаться, тем более, что никаких точных сведений о планировке этой части квартиры не сохранилось. Неизвестно даже точное назначение двух комнат по фасаду, которые соединялись с квартирой дверью из спальни у бокового окна. По всей вероятности, в них жили сестры Н. Н. Пушкиной — Екатерина и Александра Гончаровы. Надо думать, что за этими комнатами были также „людские“, с окнами во двор, и черный ход. Комнаты эти не отмечены Жуковским в его зарисовке квартиры Пушкина. В связи с этим не было необходимости восстанавливать и вторую арку с воротами, ныне заложенную, а ранее прорезавшую левую часть дома симметрично правой арке, где находится вход в квартиру Пушкина.

По тем же причинам капитальности произведенных после 1837 г. перестроек, не удалось восстановить весь вестибюль со старой парадной лестницей, служившей для входа во все три этажа дома. Вестибюль этот восстановлен только в границах первого этажа, в котором помещалась квартира Пушкина.

Таким образом, реставрационные работы коснулись не всей площади квартиры и сосредоточились на той ее части, какая зарисована Жуковским и которая всего ближе относится к жизни самого поэта. В этой части внутренняя планировка квартиры восстановлена полностью.

При производстве строительно-реставрационных работ были уничтожены позднейшие перегородки в детской, передней и столовой, восстановлена старая планировка самой столовой, что потребовало перенесения стены, отделяющей ее от буфетной, на прежнее место. Восстановлены камин в кабинете Пушкина и печь в детской; позд-

нейшие облицовки печей заменены старыми изразцами. Паркетные новые полы заменены крашеными, какими они и были при Пушкине. Восстановлена старая окраска стен — частью на основании найденных при реставрации остатков старой окрашенной штукатурки, частью по сохранившимся описаниям.

Не преследуя цели дать полную бытовую реконструкцию квартиры Пушкина, — для чего нет ни достаточных сведений о ней, ни достаточного количества бытовых предметов, принадлежавших Пушкину, — устроители не считали необходимым устанавливать перегородку, разделявшую буфетную и чулан. На том же основании в спальне не восстановлена перегородка-ширма, отделявшая переднюю часть комнаты от места, где стояла кровать, как это отмечено на плане Жуковского.

В отношении меблировки квартиры задача ограничивалась восстановлением в бытовом мемориальном плане только кабинета Пушкина, в котором сосредоточены все сохранившиеся до наших дней предметы, принадлежавшие Пушкину. Остальные комнаты меблированы предметами, бытовавшими в квартирах 1830-х годов, причем в тех случаях, когда имелись более или менее точные описания мебели (как, например, в отношении гостиной), — она подбиралась соответственно этим описаниям. Но кровати ни в спальне, ни в детской не поставлены, так же как буфет в столовой. Эти предметы и им подобные, несомненно находившиеся в соответствующих комнатах, не сохранились, и заменять их произвольными для создания бытового ансамбля было бы нецелесообразным, тем более, что комнаты квартиры, кроме кабинета, должны служить одновременно для экспозиции систематически расположенного материала, касающегося творчества Пушкина.

Материалы этого последнего рода размещены на специальных щитах, чем достигается отчетливое отделение их от предметов быта.

В развернутом в квартире музее сделана попытка последовательно провести принцип показа отношения самого Пушкина к фактам как литературного, так и социально-политического характера. Высказывания Пушкина, голос самого Пушкина посетитель слышит при осмотре любой группы экспонатов.

Другим руководящим принципом экспозиции явился показ изобразительного и иконографического материала в тесной связи с текстовыми и этикетажными пояснениями.

Хронологически все экспонаты, иллюстрирующие факты жизни и творчества великого народного поэта и общественные условия, жертвою которых он был, относятся к последнему периоду его жизни и, главным образом, к трагическим месяцам и дням, в течение которых подготовлялась и произошла его гибель и которые совпадают с временем проживания его в данной квартире.

Началом указанного периода принят конец 1833 г., когда Пушкин возвратился в Петербург из поездки в Болдино и когда травля поэта светской и придворной „чернью“, приведшая к его гибели, начала принимать все более и более острые формы.

*

Накануне 1834 г., на „новый год“, Пушкин был издевательски „пожалован“ Николаем I в камер-юнкеры. Это звание, дававшееся обычно юношам, вступающим в придворную службу, не только оскорбляло тридцатичетырехлетнего прославленного поэта, которого знала вся читающая Россия, но и еще крепче связывало его с Петербургом, жизнь в котором становилась для него все тягостнее.

Пушкин прекрасно понимал, какая цель преследовалась этим „пожалованием“. В своем дневнике он отмечает: „Третьего дня я пожалован в камер-юнкеры (что довольно неприлично моим летам). Но двору хотелось, чтобы Наталья Николаевна танцовала в Аничкове“.

Со слов друга Пушкина П. В. Нащокина мы знаем, как поэт реагировал на эту царскую прихоть: „вне себя, разгоревшись, с пылающим лицом, <он> хотел итти во дворец и наговорить грубостей самому царю“ („Рассказы о Пушкине, записанные П. И. Бартеневым“).

Наносится новый удар Пушкину в его постоянной борьбе за собственную независимость, о которой еще в южной ссылке он писал: „Я жажду одного — независимости и надеюсь обрести ее с помощью мужества и постоянных усилий“.

Жизнь Пушкина, однако, складывалась так, что усилия эти оказывались недостаточными.

Женитьба на красавице, привлекавшей внимание светского общества, в котором ей хотелось блистать, уже была для него серьезным уроном в этой борьбе. „Я женюсь, т. е. жертвую своей независимостью, моей беспечной, прихотливой независимостью, странствованиями без цели, уединением и непостоянством“, — писал Пушкин в 1830 г. (набросок „Участь моя решена...“, носящий автобиографический характер).

Проживание в Петербурге, сопряженное с большими расходами, вынудило Пушкина поступить на службу. Узел завязывался еще туже: „я не должен был вступать в службу и, что еще хуже, опутать себя денежными обязательствами... Зависимость, которую налагаем на себя из честолюбия или из нужды, унижает нас“ (к жене, 8 июня 1834 г.).

С 1834 года Пушкин окончательно закабален. Для правящих кругов и всего великосветского общества, пытавшегося низвести положение Пушкина до роли придворного низшего ранга, он был опасным „вольнодумцем“, организатором оппозиционного царскому правительству общественного мнения. Николай I и его ближайший помощник Бенкендорф понимали, какая сила заключена в Пушкине-поэте и как опасно для этого правительства оставлять Пушкина вне постоянного надзора и зависимости.

Попытка Пушкина выйти в отставку и уехать в деревню встречает резкий отпор Николая I. Пушкин вынужден отказаться от своего желания бросить службу. „Лучше, чтобы он был на службе, нежели предоставлен самому себе“, — доносит царю Бенкендорф. Пушкин остается на службе и прочно поселяется в Петербурге. Начинается развязка борьбы за независимость, которая кончилась поражением Пушкина и его физическим уничтожением.



Чернильница Пушкина, подаренная ему П. В. Нащокиным.



ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО МУЗЕЮ

Вход в квартиру Пушкина с улицы находится под аркой ворот налево. Архитектура этой арки, так же как сами ворота, сохранилась в том виде, какой она имела при Пушкине.

ВЕСТИБЮЛЬ

Осмотр музея начинается с вестибюля. Вестибюль при Пушкине был украшен парными колоннами, поддерживавшими своды. Лестница, начинавшаяся с нижней площадки, вела на площадку первого этажа, где у окна находится вход в квартиру Пушкина, и дальше подымалась во второй и третий этажи. В настоящее время восстановлен только первый марш. На месте марша лестницы во второй этаж сейчас имеется площадка, соединяющая вестибюль с бывшей буфетной комнатой. Входа в квартиру в этом месте при Пушкине не было. Перила вдоль лестницы и верхней площадки возобновлены по рисунку перил, бывших при Пушкине.

В квартиру Пушкина был еще один вход — по левой стене от входной двери, против лестницы. Место этого входа в настоящее время обозначено небольшой нишей. Здесь была маленькая низкая дверь, ведшая на узкую лесенку, выходившую в буфетную комнату. По воспомина-

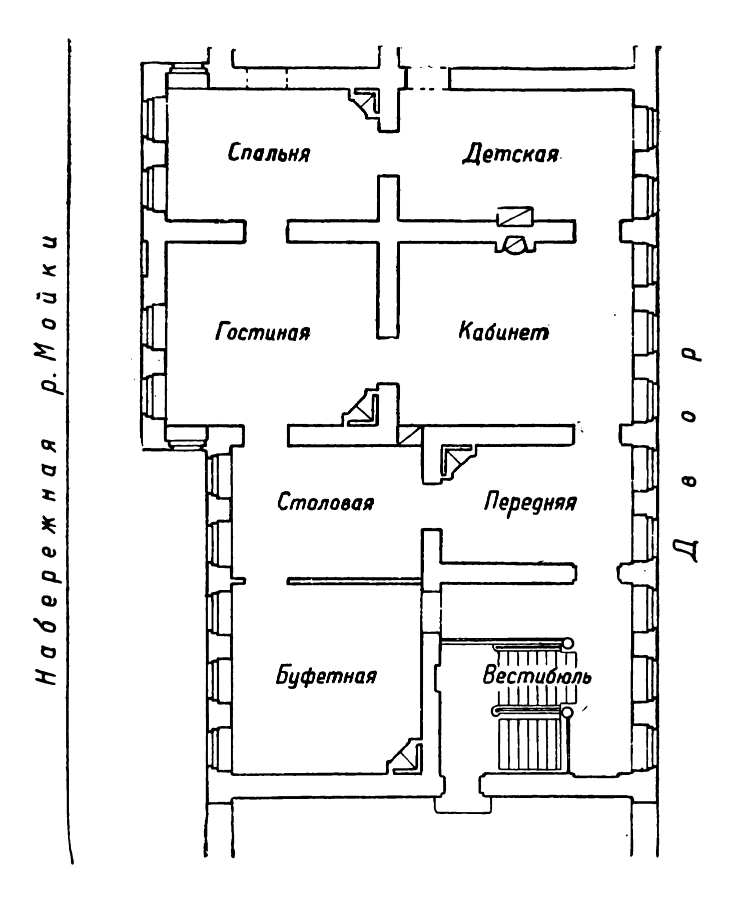
ниям друзей Пушкина, через эту дверь проходили в квартиру Пушкина посещавшие его во время болезни, так как дверь в переднюю была закрыта и заставлена залавком (обычно стоявшим у стены против двери), чтобы не беспокоить больного, лежавшего в кабинете, непосредственно примыкающем к передней. На этой двери тогда была сделана углем надпись: „Пушкин". На ней же, вероятно, вывешивались Жуковским бюллетени о состоянии здоровья Пушкина.

Посетителя музея при входе в вестибюль встречают стихи Пушкина: „Здравствуй, племя младое, незнакомое..." Против лестницы поставлен бюст Пушкина. По обеим сторонам бюста, в простенках между окон, висят доски с текстами из передовой статьи газеты „Правда" от 5 января 1937 г.: „Пушкин близок миллионам людей в Советской стране, и этим подтверждается глубоко народный, подлинно национальный смысл его творчества" и „Любовь к своей родине, любовь к славному прошлому своего народа неразрывно связана с любовью к русской литературе, с любовью к Пушкину".

Направо от бюста Пушкина помещен бюст Сталина, вождя народов СССР, в эпоху которого, вместе с мощным развитием всех материальных и культурных сил страны, слава Пушкина стала подлинно всенародной славой.

Из вестибюля через боковую площадку посетитель входит в буфетную.





План квартиры-музея в настоящее время.

БУФЕТНАЯ

При Пушкине комната эта была разделена перегородкой. Передняя часть комнаты, обращенная к окнам, являлась собственно буфетной, а задняя служила чуланом, в середине которого находилась лесенка из вестибюля.

Можно с уверенностью предполагать, что не только та часть комнаты, которая называлась чуланом, была местом, где ютилась мужская прислуга, но что и передняя часть не вся была отведена под буфетную.

Через эту комнату проносились кушанья из кухни, помещавшейся вне квартиры, в подвале во дворе. Об обстановке этой комнаты сведений не сохранилось.

В процессе реставрационных работ были обнаружены следы старой покраски стен, на основании чего эта комната в настоящее время выкрашена в желтый цвет.

При вскрытии штукатурки на стене, примыкающей к арке ворот, примерно в середине стены, было обнаружено небольшое четырехугольное окно, назначение которого установить сейчас трудно. Оно было проделано видимо в послепушкинское время, почему его не сохранили при реставрации.

Один из простенков комнаты занят в настоящее время портретом Пушкина (копия с потрета работы Тропинина), по сторонам которого — тексты из передовой статьи „Правды“ от 5 января 1937 г.: „Пушкин потому и стал создателем русского литературного языка, что гениально использовал язык народа — эту его великую сокровищницу. Пушкин потому и стал родоначальником новой русской литературы, что обогатил культуру произведениями, в которых с огромной художественной силой выразил



Парадная лестница
(площадка второго этажа, в прежнем состоянии).



Экспозиция темы: „Пиковая Дама“ и „Медный Всадник“.

мысли, чувства, мечты лучших сынов русского народа". „Может ли быть не благодарен народ-победитель своему великому певцу, гениальному поэту, который в пленительных стихах воспел страну, живыми красками изобразил народные характеры, пробудил симпатии к вождям крестьянских восстаний, открыл богатства русской речи?"

Под портретом помещены хронологические таблицы жизни и творчества Пушкина.

Вся остальная экспозиция этой комнаты посвящена истории последней квартиры Пушкина и двум его произведениям на петербургские темы: „Пиковой Даме" и „Медному Всаднику".

*

Материалы о квартире Пушкина.

Контракт, заключенный Пушкиным на наем квартиры, содержит данные об ее размерах: „Тысяча восемьсот тридцать шестого года, сентября первого дня, я, нижеподписавшийся, двора его императорского величества камер-юнкер Александр Сергеевич Пушкин заключил сей контракт по доверенности госпожи статс-дамы княгини Софии Григорьевны Волконской, данной господину гофмейстеру двора его императорского величества, сенатору и кавалеру Льву Алексеевичу Перовскому в том: 1-ое. Что нанял я, Пушкин, в собственном ее светлости княгини Софии Григорьевны Волконской доме, состоящем 2-й Адмиралтейской части 1-го квартала под № 7-м весь, от одних ворот до других, нижний этаж из одиннадцати комнат, состоящий со службами, как то: кухнею и при ней комнатою в подвальном этаже, взойдя на двор направо; конюшнею на шесть стойлов, сараем, сеновалом, местом в леднике и на чердаке, и сухим для вин погребом, сверх

того две комнаты и прачешную, взойдя на двор налево в подвальном этаже во 2-м проходе; сроком впредь на два года, то-есть: по первое число сентября, будущего тысяча восемьсот тридцать восьмого года. 2-ое. За наем оной квартиры с принадлежностями, обязываюсь я, Пушкин, заплатить его превосходительству Льву Алексеевичу Перовскому в год четыре тысячи триста рублей ассигнациями, что составит в два года восемь тысяч шестьсот рублей, которые и имею вносить по три месяца, при наступлении каждых трех месяцев вперед по тысяче семидесяти пяти рублей, бездоимочно... Сей контракт до срочного время хранить с обеих сторон свято и нерушимо, для чего и явить его где следует, подлинному же храниться у его превосходительства Льва Алексеевича, а мне, Пушкину, иметь с него копию...“

Из этого контракта и из плана, зарисованного Жуковским, видно, как размещалась жившая в квартире семья Пушкина. Кроме самого Пушкина, его жены и детей — старшей Марии (род. в 1832 г.), Александра (род. в 1833 г.), Григория (род. в 1835 г.) и младшей Наталии (род. 23 мая 1836 г.), — с ними жили две сестры Наталии Николаевны — Екатерина и Александра Николаевны Гончаровы, переехавшие осенью 1834 г. в Петербург для совместной жизни с Пушкиными, по настоянию Наталии Николаевны, желавшей избавить их от ужасной обстановки в доме истеричной матери и сумасшедшего отца. Пушкин, противившийся этому переезду, писал тогда своей жене: „Эй, женка, смотри... Мое мнение: семья должна быть *одна* под *одной* кровлей: муж, жена, дети, покаместь малы; родители, когда уж престарелы; а то хлопот не оберешься, и семейственного спокойствия не будет“ (14 июля 1834 г.).

Семью Пушкиных обслуживал большой штат прислуги, состоявший из горничных, нянек, кормилицы, прачки, лакеев, кучеров, повара и т. д., что объясняется бытовым укладом жизни того времени. Общее количество слуг нам точно неизвестно, так как в делах Опеки, откуда черпаются сведения о них, можно узнать только о тех слугах, которым Пушкин остался должен.

Прислуга размещалась в „людских" комнатах, находившихся как в том же этаже, где и остальные комнаты квартиры, так и в подвальном помещении.

Если учесть, что в квартире имелись комнаты общего пользования, как гостиная и столовая, размер ее для такой большой семьи со столькими слугами не может считаться большим. Вместе с тем, эта квартира не была приспособлена ни для условий светской жизни — устройства приемов гостей, — ни для условий творческой работы Пушкина: его кабинет непосредственно примыкал к детской, в которой помещалось четверо детей, и в известной мере был проходной комнатой из передней в гостиную.

По отзывам современников, квартира Пушкина была обставлена очень просто, и в ней отсутствовали предметы роскоши.

Полы во всех комнатах были крашеные и сильно потертые; на окнах были только занавески, но не было драпировок.

Отдельные предметы мебели, купленные у модного в то время мебельщика Гамбса для прежних квартир так и остались неоплаченными до его смерти.

Экспонированы:

Контракт на квартиру, заключенный Пушкиным.

План квартиры, зарисованный В. А. Жуковским.

План современного состояния квартиры.

Фотография парадной лестницы, снятая в то время, когда лестница сохраняла еще вид, современный Пушкину.

Литография из „Художественного Листка Тимма“, показывающая наружный вид дома до перестройки парадного хода и уничтожения второй арки прохода во двор.

Современный Пушкину вид Мойки у Певческого моста (литография Иванова).

Часть панорамы Невского проспекта (раскрашенная литография по рисунку Садовникова 1835 г.).

Монтированные вместе шесть фотографий интерьеров 1830-х годов, дающие представление о внутреннем убранстве жилых комнат в квартирах людей среднего достатка, к каким должна быть отнесена и Пушкинская квартира.

„Пиковая Дама“.

Повесть „Пиковая Дама“, которая является одним из наиболее совершенных произведений Пушкинской прозы, по словам П. В. Анненкова — „произвела при появлении своем... всеобщий говор и перечитывалась, от пышных чертогов до скромных жилищ, с одинаковым наслаждением. Общий успех этого легкого и фантастического рассказа особенно объясняется тем, что в повести Пушкина есть черты современных нравов...“ О герое повести Достоевский говорит: „Германн — колоссальное лицо, необычайное, совершенно петербургский тип, тип из петербургского периода“.

Экспонированы:

Первопечатный текст повести („Библ. для Чтения“, 1834, кн. 3) — воспроизведены первая и последняя страницы; рукопись повести не сохранилась.

Портреты Н. П. Голицыной (снимок с портр. раб. Митуара) и Н. К. Загряжской (раскрашенная литография, с рис. П. Соколова). В записанных П. И. Бартеневым рассказах о Пушкине сообщается: „Пиковую Даму

Пушкин сам читал Нащокину и рассказывал ему, что главная завязка повести не вымышлена. Старуха-графиня — это Нат. Петровна Голицына... действительно жившая в Париже в том роде, как описал Пушкин. Внук ее, Голицын, рассказывал Пушкину, что раз он проигрался и пришел к бабке просить денег. Денег она ему не дала, а сказала три карты, назначенные ей в Париже С.-Жерменом. «Попробуй» — сказала бабушка. Внучек поставил карты и отыгрался. — Дальнейшее развитие повести все вымышлено. Нащокин заметил Пушкину, что графиня не похожа на Голицыну, но что в ней больше сходства с Нат. Кирил. Загряжскою, другою старухою. Пушкин согласился с этим замечанием и отвечал, что ему легче было изобразить Голицыну, чем Загряжскую, у которой характер и привычки были сложнее".

Портрет Э.-Т.-А. Гофмана (грав. Пеле, по рис. Дюпон), переснят из книги A. Loeve-Veimars „La vie de E.-T.-A. Hoffman", Paris, 1833, принадлежавшей Пушкину. В период написания „Пиковой Дамы" Пушкин увлекался Гофманом. „Гофмана фантастические сказки в это самое время (ноябрь 1833 г.) были переведены на французский язык и.... сделались известны в Петербурге... Пушкин только и говорил что про Гофмана" (В. В. Ленц. Приключения лифляндца в Петербурге).

Из современных Пушкину иллюстраций представлены:

Фронтиспис предполагавшегося, но не осуществленного издания „Повестей" Пушкина, грав. Г. Г. Гагарина, с изображением Германа и графини.

Оригинальный рисунок пером Г. Г. Гагарина из альбома В. А. Жуковского, изображающий момент прощания Германа с телом графини в церкви.

Оригинальный рисунок В. Лангера, также из альбома В. А. Жуковского, изображающий Германа с пистолетом в спальне графини.

Позднейшие иллюстрации представлены двумя хромолитографиями с рисунков А. Бенуа, изображающих объяснение Германа с Лизой и старую графиню.

В центре щита портрет Пушкина масляными красками, приписываемый Тропинину. На обратной стороне этого портрета находится набросок портрета Гоголя, сделанный цветными карандашами и подписанный Тропининым. На этом основании и делается атрибуция портрета Пушкина, исполненного в манере, для Тропинина не характерной, и представляющего собою скорее вариант портрета раб. Кипренского,

По краям щита виды Петербурга и петербургские уличные сцены и типы, служащие реальной бытовой иллюстрацией к „Пиковой Даме“ и „Медному Всаднику“:

Невский проспект, раскрашенная литография К. Беггрова, по рис. Есакова.

Садовая улица, литография К. Беггрова, по рис. Сабата и Шифляра.

Мойка, литография К. Беггрова, по рис. Сабата и Шифляра.

Острова, раскрашенная литография. С. Галактионова.

Нева, раскрашенная литография К. Беггрова, по рис. Сабата и Шифляра.

Садовая улица, раскрашенная литография К. Беггрова, по рис. Сабата и Шифляра.

Невский проспект, рис. тушью С. Попова.

Две сцены — Продавец саек и Молочницы — раскрашенные литографии из альбома, изданного А. Плюшаром в 1823 г.

Три сцены — Офицер в санях, У ларька, Чиновник — литографии из альбома, изданного А. Плюшаром в 1825 г.

„Медный Всадник“.

Поэма написана Пушкиным в 1833 г. и при жизни его не печаталась. Пушкин представил рукопись на цензуру Николаю I, который потребовал изменения ряда мест. В своем дневнике Пушкин записывает 14 декабря 1833 г.: „Мне возвращен «Медный Всадник» с замечаниями государя. Слово *кумир* не пропущено высочайшей цензурою; стихи

И перед младшею столицей
Померкла старая Москва,
Как перед новою царицей
Порфироносная вдова —

вымараны. На многих местах поставлен вопросительный знак...“ Пушкин пытался внести некоторые изменения, но до конца эту работу не довел. Из всей поэмы при жизни Пушкина было напечатано только вступление, озаглавленное „Петербург“.

Фигура Петра неоднократно привлекала внимание Пушкина. Из воспоминаний В. И. Даля мы узнаем, как Пушкин готовился запечатлеть его в художественном произведении: „Я еще не мог доселе постичь и обнять вдруг умом этого исполина: он слишком огромен для нас, близоруких, и мы стоим еще к нему близко — надо отодвинуться на два века, — но постигаю его чувством; чем более его изучаю, тем более изумление и подобострастие лишают меня средств мыслить и судить свободно. Не надобно торопиться; надобно освоиться с предметом и постоянно им заниматься; время это исправит. Но я сделаю из этого золота что-нибудь".

Наводнение, описанное в „Медном Всаднике", произошло, когда Пушкин находился в ссылке в Михайловском. Оттуда он пишет своему брату Льву, 4 декабря 1824 г.: „Этот потоп с ума мне нейдет: он вовсе не так забавен, как с первого взгляда кажется. Если тебе вздумается помочь какому-нибудь несчастному, помогай из Онегинских денег. Но прошу, без всякого шума, ни словесного, ни письменного. Ни чуть не забавно стоять в Инвалиде на ряду с идиллическим коллежским ассесором Панаевым".

При описании бедствий, сопровождавших наводнение, Пушкин использовал книгу В. Берха „Подробное историческое известие о всех наводнениях, бывших в Петербурге": „Трудно представить себе смятение и ужас жителей при сем внезапном явлении... Каждый спасал, что мог, и выносился на верх, оставляя в добычу воде свое имущество... Разъяренные волны свирепствовали по дворцовой площади, которая с Невою составляла одно огромное озеро, изливавшееся Невским проспектом, как широкою рекою, до самого аничковского моста".

Материалом для описания Петербурга во вступлении к поэме послужило описание, сделанное К. Н. Батюшковым в статье „Прогулка в Академию художеств".

В „Медном Всаднике" Пушкин противопоставляет свое понимание исторической роли Петра взглядам Мицкевича, нашедшим отражение в стихотворениях „Памятник Петра Великого" и „Олешкевич".

Экспонированы:

Над группой экспонатов, относящихся к этой поэме, — раскрашенная гравюра, изображающая фальконетовский памятник Петру I с сидящим около него морским богом Нептуном (рис. и грав. Б. Патерсен, 1799 г.).

Портрет Петра I, гравюра.

Титульный лист книги В. Берха и первая страница названной статьи К. Н. Батюшкова („Сын Отечества", 1814, № XLIX), монтированные с воспроизведением картины А. Алексеева — „Наводнение 1824 г.".

Портрет А. Мицкевича (гравюра), данный вместе с переводом его стихов.

Текст вступления к поэме, озаглавленного „Петербург" и напечатанного в „Библиотеке для Чтения" (1834 г.).

Страница черновой рукописи[1] „Медного Всадника" и ее транскрипция, напечатанная параллельно с окончательным текстом поэмы, показывающие процесс работы Пушкина над стихом.

Писарской список страницы „Медного Всадника" с исправлениями Пушкина и позднейшими переделками Жуковского, преследовавшими цель сделать поэму приемлемой для цензуры. Переделки эти коснулись главным образом устранения из поэмы бунта Евгения против Петра. Первоначальный текст Пушкина (отрывок: „Евгений вздрогнул. Прояснились...") сопоставлен с редакцией Жуковского, напечатанной в пятой, вышедшей после смерти Пушкина, книжке „Современика".

Рукопись неоконченной поэмы „Езерский".

---

[1] Все выставленные в музее рукописи даны в фото-воспроизведениях. Подлинные автографы оговорены особо.

„Наводнение 1824 г.“, современная событию гравюра.
4 иллюстрации А. Бенуа к поэме (хромолитографии).
В витринах — первые издания произведений Пушкина.



СТОЛОВАЯ

В воспоминаниях современников Пушкина сохранились очень сбивчивые описания этой небольшой комнаты, служившей столовой. В период болезни Пушкина меблировка ее могла быть необычной, почему, например, в записках К. Н. Лебедева сообщается, что в ней находился „стол, на столе бумага и чернильница“. В. П. Бурнашев в своих „Воспоминаниях“, путая столовую и переднюю, упоминает огромный буфет, который, естественно, мог стоять в столовой. Здесь же висела какая-то картина, писанная масляными красками. В плане Жуковского в столовой помечена ширма, отгораживавшая проход из гостиной в переднюю. Эта ширма упоминается и другими современниками. Поставлена она была здесь для того, чтобы Наталья Николаевна могла проходить из гостиной в переднюю, не встречаясь с посетителями, наполнявшими буфетную и столовую.

В этой комнате собраны материалы, относящиеся к деятельности Пушкина как редактора, издателя и участника журнала „Современник“, а также к его критическим заметкам и историческим работам.

Из художественных произведений Пушкина в прозе, напечатанных в „Современнике“, представлены: „Путешествие в Арзрум“, „Капитанская Дочка“ и „Скупой Рыцарь“.

*

Журнал „Современник“.

Мысль взяться за издание журнала или газеты возникла у Пушкина еще со времени прекращения „Литературной Газеты“ (1831 г.).

31 декабря 1835 г. Пушкин в письме к А. Х. Бенкендорфу вновь просит разрешить ему издание журнала: „Я желал бы в следующем 1836 году издать 4 тома статей чисто литературных (как то повестей, стихотворений etc.), исторических, ученых, также критических разборов русской и иностранной словесности; на подобие английских трехмесячных Reviews (обозрений)“.

На этот раз разрешение последовало, с оговоркой, запрещающей политический отдел.

Программа журнала была формулирована следующим образом: „«Современник» по духу своей критики, по многим именам сотрудников, в нем участвующих, по неизменному образу мнения о предметах, подлежащих его суду, будет продолжением «Литературной Газеты»“.

Состав сотрудников действительно был близок к составу „Литературной Газеты“, но Пушкин привлек в свой журнал и ряд новых писателей.

Положение Пушкина, как издателя журнала, было исключительно тяжелым. „У меня у самого душа в пятки уходит, как вспомню, что я журналист. Будучи еще порядочным человеком, я получал уж полицейские выговоры и мне говорили: вы обманываете и тому подобное. Что же теперь со мною будет? Мордвинов будет на меня смотреть, как на Фаддея Булгарина и Николая Полевого, как на шпиона: чорт догадал меня родиться в России с душою и талантом! Весело, нечего сказать“ (письмо Пушкина к жене 18 мая 1836 г.).

Экспонированы:

Портрет Пушкина, писанный масляными красками неизвестным художником. Время написания этого портрета может быть отнесено к концу 1830-х или началу 1840-х годов. Не являясь достоверным прижизненным изображением Пушкина, этот портрет все же представляет интерес как своеобразная трактовка облика Пушкина, не совпадающая с портретами Тропинина и Кипренского и вместе с тем дающая схожее изображение (см. воспроизведение в начале книги).

Под портретом находится висячая витрина с томами журнала „Современник" и черновыми карандашными записями Пушкина, касающимися состава третьего тома журнала. Тут же записки Пушкина при посылке экземпляров журнала.

Портреты сотрудников журнала, монтированные со снимками напечатанных в „Современнике" их произведений:

Портрет Н. М. Языкова, литография Гундризера по рис. Хрипкова, дан вместе с воспроизведением печатного текста начала его „Драматической сказки об Иване-царевиче, жар-птице и о сером волке". Приглашая Языкова к участию в журнале, Пушкин пишет ему 14 апреля 1836 г.: „Будьте моим сотрудником непременно. Ваши стихи вода живая; наши — вода мертвая; мы ею окатили Современника; опрысните его вашими кипучими каплями".

Портрет В. Ф. Одоевского, литография Митрейтера, с оригинала К. Горбунова, помещен с его статьей „О вражде к просвещению" и отрывком письма Пушкина: „Думэю 2 № начать статьей вашей, дельной, умной и сильной — и которую хочется мне наименовать *о вражде к просвещению*" (начало апреля 1835 г.).

Двойной портрет В. А. Жуковского и А. И. Тургенева, грав. акватинтой с физионотраса[1] Бушарди, монтирован с текстом начала стихотворения Жуковского „Ночной смотр".

В „Современнике" напечатаны в двух номерах 24 стихотворения Тютчева под заголовком „Стихотворения, присланные из Германии" и за подписью Ф. Т. Два из этих стихотворений — „Silentium" и „О чем ты воешь, ветр ночной" даны вместе с фототипическим воспроизведением портрета молодого Тютчева.

---

[1] Физионотрасом называется зарисовка, сделанная с помощью специального аппарата.

Портрет поэта А. В. Кольцова, литография К. Горбунова, помещен с текстом стихотворения „Урожай“.

В фототипических воспроизведениях даны портреты П. А. Вяземского и П. А. Плетнева.

Участию Гоголя в журнале и его взаимоотношениям с Пушкиным посвящен ряд экспонатов:

Портрет Гоголя (редкая литография Венецианова 1834 г.), сопровождается текстами начала повестей „Коляска“ и „Нос“, впервые напечатанных в „Современнике“.

Титульный лист 1-го издания „Вечеров на хуторе близ Диканьки“, дан с цитатой из рецензии Пушкина на эту книгу: „Как изумились мы русской книге, которая заставила нас смеяться, мы, не смеявшиеся со времен Фонвизина“.

Цитата из „Авторской исповеди“ Гоголя: „Пушкин уже давно склонял меня приняться за большое сочинение... и один раз... сказал: «Как, с этой способностью угадывать человека и несколькими чертами выставлять его вдруг всего, как живого, с этой способностью не приняться за большое сочинение! Это просто грех!»... В заключение всего, отдал мне свой собственный сюжет, из которого он хотел сделать сам что-то вроде поэмы и которого, по словам его, он бы не отдал другому никому. Это был сюжет «Мертвых душ». (Мысль «Ревизора» принадлежит также ему)“.

О том, какое впечатление произвело на Пушкина чтение „Мертвых душ“, говорит другая цитата из заметки Гоголя: „Когда я начал читать Пушкину первые главы из «Мертвых душ», то Пушкин, который всегда смеялся при моем чтении (он же был охотник до смеха), начал понемногу становиться все сумрачнее, сумрачнее, а наконец, сделался совершенно мрачен. Когда же чтение кончилось, он произнес голосом тоски: «боже, как грустна наша Россия!»“

Портрет Белинского (акварель, копия с рис. А. Брюллова), сопровождается отзывом Пушкина о нем: „Жалею, что вы, говоря о «Телескопе», не упомянули о г. Белинском. Он обличает талант, подающий большую надежду...“ (Современник, 1836, № 3). В. Г. Белинский не был участником „Современника“, но Пушкин вел переговоры о приглашении его в журнал. В письме к П. В. Нащокину от 27 мая 1836 г. он пишет: „Я оставил у тебя два порожних экз. Современника. Один отдай Кн. Гагарину, а другой пошли от меня Белинскому (тихонько от Наблюдателей, NB) и вели сказать ему, что очень жалею, что с ним не успел

увидеться". По сообщению Нащокина Пушкину: „Его (Белинского) друзья и в том числе и Щепкин говорят, что он будет очень счастлив, если придется ему на тебя работать" (письмо конца октября 1836 г.).

На этом же щите помещена акварель неизвестного художника, изображающая группу из четырех лиц, стоящих в помещении со сводами. По расположению фигур эта акварель напоминает композицию Г. Чернецова для его картины „Парад на Марсовом поле", где изображены Пушкин, Жуковский, Гнедич и Крылов. Возможно, что данная акварель является свободным подражанием этой композиции; фигура одного из изображенных (в светлом картузе) соответствует Пушкину.

Литография Н. Павлова 1937 г. — „Пушкин в лавке Смирдина"

Критические заметки Пушкина.

Белинский дал следующую оценку Пушкина как критика: „В Пушкине виден не критик, опирающийся в своих суждениях на известные начала, но гениальный человек, которому его верное и глубокое чувство, или, лучше сказать, богатая субстанция, открывает истину везде, на что он ни взглянет".

Высказывания Пушкина о языке в музее представлены цитатами, касающимися вопроса о культуре литературного языка и о судьбе писателей, у которых преобладают формальные искания:

„Может ли письменный язык быть совершенно подобным разговорному? Нет, так же, как разговорный язык никогда не может быть совершенно подобным письменному... Письменный язык оживляется поминутно выражениями, рождающимися в разговоре, но не должен отрекаться от приобретенного им в течение веков. Писать единственно языком разговорным — значит не знать языка" (Письмо к издателю, 1836 г.).

„...Малерб ныне забыт подобно Ронсару, сии два таланта, истощившие силы свои в борении с усовершенствованием стиха... Такова участь, ожидающая писателей,

которые пекутся более о механизме языка, нежели о мысли — истинной жизни его, независящей от употребления!“ (О ничтожестве литературы русской, 1834 г.).

О любви к родному языку говорят замечательные строки Пушкина, относящиеся еще к 1822—1823 гг.:

„Только революционная голова, подобная [Мих. Орлову‹?›] и Пестелю, может любить Россию — так, как писатель только может любить ее язык. Всё должно творить в этой России и в этом русском языке“.

Из критических статей о Вольтере и Мильтоне приведены выдержки, носящие ясно выраженный автобиографический характер. Говоря о Вольтере, Пушкин спрашивает: „Что влекло его в Берлин? Зачем ему было променивать свою независимость на своенравные милости государя, ему чужого, не имевшего никакого права его к тому принудить?.. К чести Фридерика II скажем, что сам от себя король, вопреки природной своей насмешливости, не стал бы унижать своего старого учителя, не надел бы на первого из французских поэтов шутовского кафтана, не предал бы его на посмеяние света, если бы сам Вольтер не напрашивался на такое жалкое посрамление“ (1836 г.).

Упоминаемый здесь шутовской кафтан (придворный мундир Вольтера) является прямым намеком на тот камер-юнкерский мундир, который по воле Николая I был надет на первого из русских поэтов. Эта цитата перекликается с записью Пушкина в дневнике (10 мая 1834 г.): „Государю неугодно было, что о своем камер-юнкерстве отзывался я не с умилением и благодарностию. Но я могу быть подданным, даже рабом, но холопом и шутом не буду и у царя небесного“.

Если Пушкин осуждает Вольтера, променявшего свою независимость на „своенравные милости государя“, то

Мильтону он ставит в заслугу твердость его характера, позволившую ему сохранить свою внутреннюю свободу: „Не мог быть посмешищем развратного Рочестера и придворных шутов тот, кто в злые дни, жертва злых языков, в бедности, в гонении и в слепоте сохранил непреклонность души и продиктовал Потерянный Рай“ (О Мильтоне и Шатобриановом переводе „Потерянного Рая“, 1836 г.).

О том уважении, какое Пушкин испытывал к великим писателям и, следовательно, требовал к себе, говорит отрывок из статьи о Вольтере: „Всякая строчка великого писателя становится драгоценной для потомства. Мы с любопытством рассматриваем автографы, хотя бы они были не что иное, как отрывок из расходной тетради или записки к портному об отсрочке платежа. Нас невольно поражает мысль, что рука, начертавшая эти смиренные цифры, эти незначащие слова, тем же самым почерком и, может быть, тем же самым пером написала и великие творения, предмет наших изучений и восторгов“ (1836 г.).

Экспонированы:

Портрет Вольтера, гравюра Анрике.

Портрет Мильтона, гравюра Боссельмана.

Титульный лист книги: J. Milton. Le Paradis Perdu, traduction de Chateaubriand.

Первая страница статьи Пушкина „Джон Теннер“, монтирована вместе с портретами А. Токвиля, автора книги „О демократии в Америке“, и Ф. Купера, давшего поэтические описания быта индейцев. Статья значительна для нас высказываниями Пушкина об американской буржуазной демократии: „... несколько глубоких умов в недавнее время занялись исследованием нравов и постановлений американских, и их наблюдения возбудили снова вопросы, которые полагали давно уже решенными. Уважение к сему новому народу и к его уложению, плоду

новейшего просвещения, сильно поколебалось. С изумлением увидели демократию в ее отвратительном цинизме, в ее жестоких предрассудках, в ее нестерпимом тиранстве. Все благородное, бескорыстное, все возвышающее душу человеческую, подавленное неумолимым эгоизмом и страстию к довольству (comfort); большинство, нагло притесняющее общество; рабство негров посреди образованности и свободы; родословные гонения в народе, не имеющем дворянства; со стороны избирателей алчность и зависть; со стороны управляющих робость и подобострастие; талант, из уважения к равенству, принужденный к добровольному остракизму; богач, надевающий оборванный кафтан, дабы на улице не оскорбить надменной нищеты, им втайне презираемой: такова картина Американских Штатов, недавно выставленная перед нами".

Из других критических заметок показана статья Пушкина „Мнение г. Лобанова" вместе со страницей статьи М. Лобанова, с отметками Пушкина на полях, и рецензия Пушкина на книгу „Кавалерист-девица", монтированная вместе с портретом Н. А. Дуровой.

На столе у простенка лежит рукопись Пушкина „Камчатские дела", датированная 20 января 1837 г., т. е. за семь дней до его дуэли.

Пушкин-историк.

Среди разнообразных интересов Пушкина в области истории, в экспозиции музея представлены те темы, которые его длительно занимали и к которым он охотно возвращался.

В первую очередь должна быть отмечена его работа над „Историей Пугачева". Образ Пугачева как вождя крестьянских восстаний изучался Пушкиным-историком и был воплощен им в художественном творчестве.

Работа Пушкина над историей Петра I не была им завершена, но велась до последних дней его жизни. Пушкин понимал и ценил громадную роль Петра как организатора новой русской государственности и вместе с тем видел присущие ему отрицательные черты: „Достойна удивления разность между государственными учре-

ждениями Петра Великого и временными его указами. Первые суть плоды ума обширного, исполненного доброжелательства и мудрости, вторые нередко жестоки, своенравны и, кажется, писаны кнутом. Первые были для вечности, или, по крайней мере, для будущего, — вторые вырвались у нетерпеливого самовластного помещика (это внести в историю Петра, обдумав)".

О роли Петра в истории России говорит цитата из статьи Пушкина „О ничтожестве литературы русской": „Россия вошла в Европу, как спущенный корабль, — при стуке топора и при громе пушек. Но войны, предпринятые Петром Великим, были благодетельны и плодотворны. Успех народного преобразования был следствием Полтавской битвы, и европейское просвещение причалило к берегам завоеванной Невы" (1834 г.).

Уважение к народному творчеству, к истории своего народа и ее героям отчетливо выражено у Пушкина в последние годы его жизни. В этом отношении показательны его „Примечание о памятнике князю Пожарскому и гр. Минину", в которых он осуждает невнимание к памяти народных героев.

Та же тема использована им в неоконченном „Романе в письмах" и в статье „Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений": „Дикость, подлость и невежество не уважают прошедшего, пресмыкаясь пред одним настоящим. И у нас иной потомок Рюрика более дорожит звездою двоюродного дядюшки, чем историей своего дома, т. е. историей отечества. И это ставите вы ему в достоинство! Конечно, есть достоинство выше знатности рода, именно: достоинство личное... Имена Минина и Ломоносова вдвоем перевесят, может быть, все наши старинные родословные" (1830).

19 октября 1836 г., т. е. в то время, когда Пушкин жил в квартире, где теперь помещается музей, он пишет письмо Чаадаеву, в котором обсуждает высказанные последним в знаменитом „Философическом письме“ мысли о русской истории. Соглашаясь с ним в отрицательной оценке современности, Пушкин, однако, решительно возражает против выводов, которые Чаадаев делает относительно русской истории: „Что касается нашего исторического ничтожества, то я положительно не могу согласиться с вами. Разве войны Олега и Святослава и даже удельные войны не являют собою беззаветную отвагу и кипучую деятельность, которая характеризует молодость всех народов?.. Пробуждение России, развитие ее могущества, ее путь к единству... как? неужели это все не история, а только сон бледный и полузабытый. А Петр Великий, который один — всемирная история“.

В плане субъективного отношения к русской истории, Пушкин заявляет в том же письме: „...как писатель, я раздражен; как человек с предрассудками, я оскорблен. Но клянусь вам честью, что ни за что на свете я не захотел бы переменить отечество, ни иметь другой истории, как истории наших предков, такую, как нам бог ее послал“.

Эспонированы:

Экземпляр „Истории Пугачева“, названной в печатном издании по распоряжению Николая I „Историей Пугачевского бунта“, с надписью Пушкина, подарившего книгу своему лицейскому преподавателю А. П. Куницыну.

Гравированный портрет Пугачева, сделанный по заказу Пушкина для издания его „Истории Пугачева“.

Гравированный портрет Петра I.

Страница рукописи „Материалов для истории Петра“.

Страницы рукописи „Примечание о памятнике князю Пожарскому и гр. Минину“.

Портрет П. Я. Чаадаева (литография Алофа) с автографом А. И. Герцена, монтированный вместе с цитатой из „Былого и Дум“ о том впечатлении, какое произвело появление „Философического письма“ (из-за которого автор его, по распоряжению Николая I, был объявлен сумасшедшим, журнал, где оно было напечатано, — запрещен, а редактор — сослан): „Это был выстрел, раздавшийся в темную ночь; тонуло ли что и возвещало свою гибель, был ли это сигнал, зов на помощь, весть об утре... все равно, надо было проснуться. Что, кажется, значат два, три листа, помещенных в ежемесячном обозрении, а, между тем, такова сила речи сказанной, такова мощь слова в стране, молчащей и не привыкнувшей к независимому говору, что письмо Чаадаева потрясло всю Россию. Оно имело полное право на это. После „Горе от ума“ не было ни одного литературного произведения, которое сделало бы такое сильное впечатление“.

Воспроизведение картины К. П. Бодри, изображающей П. Я. Чаадаева в своем кабинете.

„Путешествие в Арзрум“.

Отрывок из „Путешествия“ под названием „Военная Грузинская дорога“ был напечатан Пушкиным в „Литературной Газете“ в 1830 г. В 1835 г. предполагалось отдельное издание всего произведения, но Пушкин отказался от этого, видимо желая сохранить его для первой книги своего журнала.

Экспонированы:

Текст отрывка „Путешествия“, напечатанный в „Литературной Газете“, и первая страница текста „Современника“, монтированные вместе с автопортретом Пушкина (на коне, с пикой) и рисунком Пушкина „Арзрум“ в альбоме Е. Н. Ушаковой.

Воспроизведение другого автопортрета Пушкина, рисованного им в Гумрагском карантине.

Подорожная, выданная Пушкину.

Портрет А. П. Ермолова, копия с портрета раб. Дау. О Ермолове Пушкин упоминает в „Путешествии“. Для встречи с ним Пушкин сделал лишних двести верст по пути на Кавказ. „[Ермолов] повидимому нетерпеливо сносит свое бездействие. Несколько раз принимался он говорить о Паскевиче и всегда язвительно. Говоря о легкости его побед, он

сравнивал его с Навином, перед которым стены падали от трубного звука, и называл гр. Эриванского графом Ерихонским" („Путешествие в Арзрум").

Портрет И. Ф. Паскевича (масло), писан неизвестным художником. Паскевич ждал от Пушкина прославления его походов и с этой целью приглашал его на Кавказ. Этих надежд Паскевича Пушкин не оправдал, и они расстались холодно, хотя на прощанье Паскевич подарил Пушкину турецкую саблю (выставленную в музее в кабинете Пушкина). Отправляясь на Кавказ, Пушкин не предполагал, что за ним установлен секретный надзор и что, в частности, он осуществлялся и пригласившим его гр. И. Ф. Паскевичем. „Известный стихотворец, отставной чиновник X класса Александр Пушкин отправился в марте месяце из С.-Петербурга в Тифлис, а как по высочайшему его имп. величества повелению состоит он под секретным надзором, то по приказанию его сиятельства <графа И. Ф. Паскевича> имею честь донести о том вашему превосходительству, покорнейше прошу не оставить распоряжением вашим о надлежащем надзоре за ним по прибытии его в Грузию" (донесение ген. Д. Е. Остен-Сакена губернатору Грузии).

Портрет Н. Н. Раевского (воспроизведение рисунка П. Соколова, 1826 г.). Во время своего пребывания в действующей армии Пушкин открыто общался с высланными на Кавказ декабристами: М. И. Пущиным, В. Д. Вольховским и др. В числе опальных находился и друг Пушкина Н. Н. Раевский.

Поведение Пушкина на Кавказе и его связи с опальными и ссыльными только усилили слежку за каждым его шагом, а по возвращении своем он получил от Бенкендорфа выговор: „Государь император, узнав, по публичным известиям, что вы, милостивый государь, странствовали за Кавказом и посещали Арзерум, высочайше повелеть мне изволил спросить вас, по чьему позволению предприняли вы сие путешествие. Я же со своей стороны покорнейше прошу вас уведомить меня, по каким причинам не изволили вы сдержать данного мне слова и отправились в закавказские страны, не предуведомив меня о намерении вашем сделать сие путешествие" (14 октября 1829 г.).

Из видов местностей, связанных с путешествием Пушкина и войной, выставлены:

Военно-грузинская дорога, гравюра Мотграма по рис. Чернецова.

Тифлис, литография А. Руднева.

Переход русских войск через Саганлу, литография Ришеб,а по рис. В. Машкова.

Эпизод турецкой войны, литография И. Корелина.

Описанная в „Путешествии" встреча Пушкина с телом Грибоедова иллюстрируется снимком с рис. П. Бореля, монтированным вместе с текстом Пушкина об этой встрече.

„Капитанская Дочка".

Первоначальный замысел повести относится к началу 1833 г. Окончательная обработка ее была сделана Пушкиным осенью 1836 г. В конце рукописи стоит дата: „19 октября 1836 г.", т. е. время, когда Пушкин жил уже в квартире на Мойке.

По отзыву Белинского — „«Капитанская Дочка» — нечто вроде Онегина в прозе. Многие картины по верности, истине содержания и мастерству изложения чудо совершенства".

Задачи, которые Пушкин ставил себе в отношении исторического романа и которые, по его мнению, наиболее удачно были разрешены В. Скоттом, формулированы им в заметке „О романах Вальтер-Скотта": „Что нас очаровывает в историческом романе это то, что историческое в них есть подлинно то, что мы видим — Шекспир, Гете, Вальтер-Скотт не имеют холопского пристрастия к королям и героям. Они не походят (как герои французские) на холопей, передразнивающих достоинство и благородство — они просты в повседневных случаях жизни, в их речах нет ничего приподнятого, театрального, даже в торжественных обстоятельствах, так как великие события для них привычны" (1827 г., перевод с французского).

В „Капитанской Дочке" Пушкиным использован материал, который он собирал при работе над „Историей

Пугачева". В письме к жене от 8 сент. 1833 г. он пишет: „Я в Казани с 5... Здесь я возился со стариками, современниками моего героя, объезжал окрестности города, осматривал места сражений, расспрашивал, записывал и очень доволен, что не напрасно посетил эту сторону".

Экспонированы:

Портрет В. Скотта, гравированный Хопвудом.

Портрет Е. Пугачева (литография), с текстом из „Истории Пугачева": „Весь черный народ был за Пугачева; духовенство ему доброжелательствовало, не только попы и монахи, но и архимандриты, и архиереи. Одно дворянство было открытым образом на стороне правительства... Класс приказных и чиновников был еще малочислен и решительно принадлежал простому народу".

Вид Урала, литография Тирпенна и Адама.

Вид Казани, литография по рис. В. Турина.

Первоначальный рукописный набросок повести, не вошедший в окончательный текст, монтированный с первой страницей печатного текста в „Современнике" (1836, т. IV).

Четыре иллюстрации Павла Соколова к повести: Отъезд Гринева; На постоялом дворе; Белогорская крепость; Учение солдат (рисунки карандашом).

Иллюстрация М. Микешина — Гринев на плоту с виселицами (тушь, перо).

Портрет В. А. Перовского — акварель В. Гау. Так же, как и при поездке в Арзрум, за Пушкиным во время его путешествия по Уралу велась непрерывная слежка. На этот раз она была поручена оренбургскому военному губернатору В. А. Перовскому: „С.-Петербургский оберполицмейстер от 20 сент. уведомил меня, что... был учрежден в столице секретный полицейский надзор за образом жизни и поведением известного поэта, титулярного советника Пушкина... Долгом считаю о вышесказанном известить ваше превосходительство, покорнейше прося, в случае прибытия его в Оренбургскую губернию, учинить надлежащее распоряжение в учреждении за ним во время его пребывания в оной секретного полицейского надзора за образом жизни и поведением его" (отношение нижегородского военного губернатора от 9 октября 1833 г.). Благожелательно относившийся к Пушкину Перов-

ский на этом отношении сделал пометку: „Отвечать, что сие отношение получено через месяц по отбытии г. Пушкина отсюда, а потому, хотя во время кратковременного его в Оренбурге пребывания и не было за ним полицейского надзора, но как он останавливался в моем доме, то я тем лучше могу удостоверить, что поездка его в Оренбургский край не имела другого предмета, кроме нужных ему исторических изысканий".

„Скупой Рыцарь".

Драма написана в Болдине в 1830 г. и впервые напечатана в № 1 „Современника".

Образцом при написании этой „маленькой трагедии" Пушкину служили комедии Мольера — в частности „Скупой" — и драмы Шекспира.

Белинский дает следующую оценку этого произведения: „По выдержанности характеров, по мастерскому расположению, по страшной силе пафоса, по удивительным стихам, по полноте и оконченности, словом, по всему эта драма — огромное, великое произведение, вполне достойное гения самого Шекспира".

Экспонированы:

Факсимиле рукописи и печатный текст в „Современнике".

Портрет Мольера, гравюра Деваше по рис. Сандос.

Портрет Шекспира, гравюра Пейна.

Иллюстрация Л. Пастернака — Скупой рыцарь в подвале с сокровищами.





Столовая.



Гостиная.

ГОСТИНАЯ

При реставрационных работах удалось найти на штукатурке следы старой синей краски, что совпадает и с указаниями современников Пушкина.

В. Н. Давыдов в своих воспоминаниях о состоянии квартиры Пушкина в конце января 1837 г. дал довольно подробное описание меблировки гостиной. В ней находился „круглый письменный (?) стол на четырех внутрь вогнутых и кругами внизу и в середине связанных ножках, обделанный бронзой и покрытый черной клеенкой — словом — стол такого фасона, какой можно было тогда видеть во многих старинных помещичьих домах; два дивана из красного дерева, обтянутые материей из черного конского волоса; небольшой застекленный шкаф с книгами; кое-где одного фасона со столом кресла, — обитые бронзой, спинки решетчатые“.

Из воспоминаний П. П. Вяземского видно, что в гостиной висел портрет Пушкина работы Кипренского, приобретенный Пушкиным у вдовы поэта Дельвига.

Кроме того, можно предполагать, что в гостиной лежала медвежья шкура, упоминаемая в „Записках“ И. П. Сахарова.

В период болезни Пушкина (а может быть и постоянно) в гостиной, примерно против входа в кабинет Пушкина, стояла кушетка, отмеченная на зарисовке Жуковского.

Описываемая Давыдовым обстановка, несомненно, является широко распространенной в то время мебелью стиля „Жакоб“. Музей, не стремясь полностью восстановить обстановку гостиной, частично использовал, однако, имеющиеся данные о характере ее. Находящиеся в настоя-

щее время в этой комнате кресла и стол соответствуют тем, какие были здесь при Пушкине. В счетах мебельщика Гамбса, сохранившихся в делах Опеки, упоминается трехстворчатая готическая ширма. Подобная ширма сейчас отгораживает дверь в кабинет. В тех же делах Опеки имеется неоплаченный счет настройщику, почему надо считать, что в квартире был музыкальный инструмент. В гостиной экспонирован рояль 1830-х годов, на нем положены ноты на слова Пушкина, изданные при его жизни.

Портрет Пушкина работы Кипренского, висевший в гостиной, находится теперь в Гос. Третьяковской галлерее. Вместо него повешена копия с этого портрета, сделанная по заказу сестры Пушкина О. С. Павлищевой.

На соседнем простенке висит картина голландской школы XVIII века. Картина эта принадлежала Вульфам, и Пушкин видел ее в с. Тригорском.

Тема экспозиции этой комнаты — лирические стихотворения Пушкина последнего периода.

*

„Вновь я посетил...“

Это стихотворение, написанное в сентябре 1835 г. и при жизни Пушкина не напечатанное, отражает настроение, в котором Пушкин находился во время посещения в 1835 году любимого им Михайловского.

Экспонированы:

Рукопись стихотворения и текст его, напечатанный Жуковским в посмертном издании сочинений Пушкина.

Вид двух озер Михайловского, литография А. Каплуна, 1936 г.

Портрет Арины Родионовны, барельеф раб. Л. Серякова.

Портрет Пушкина, воспроизведение портрета раб. В. Серова, изображающий поэта на фоне пейзажа.

„Полководец“ и „Надписи на статуи“.

Тема народного героя и народного искусства объединяет эти стихотворения.

Не оцененный современниками герой отечественной войны, который „укреплен могучим убежденьем... был неколебим пред общим заблужденьем“, привлекает внимание Пушкина. В письме к Н. И. Гречу от 13 октября 1836 г. Пушкин пишет: „Стоическое лице Барклая есть одно из замечательнейших в нашей истории. Не знаю, можно ли вполне оправдать его в отношении военного искусства, но его характер останется вечно достоин удивления и поклонения“.

Два стихотворения Пушкина — „Надписи на статуи“ — написаны под непосредственным впечатлением от скульптур Н. Пименова — „Игра в бабки“ — и А. Логановского — „Игра в свайку“. Автор книги о Пименове П. Н. Петров сообщает: „Пушкин, при первом взгляде на группу Пименова, сказал: — Слава богу! Наконец и скульптура в России явилась народная. — Пушкин пожал руку Пименова, назвав его собратом. Долго всматриваясь и отходя на разные расстояния, поэт в заключение вынул записную книжку и тут же написал экспромт: «Юноша трижды шагнул»“.

Экспонированы:

Портрет М. Б. Барклая, описываемый Пушкиным в „Полководце“ гравюра по оригиналу Дау.

Рукопись стихотворения „Полководец“.

Текст стихотворения „Полководец“ и „Объяснения“ к нему, напечатанные в „Современнике“ (т. 3 и 4).

Снимки со скульптур Пименова и Логановского „Игра в бабки“ и „Игра в свайку“.

Тексты стихотворений „Надписи на статуи“, впервые напечатанных в „Художественной Газете“ (1836, декабрь).

Портрет Н. Пименова.

„Из Пиндемонти“.

Стихотворение это, по цензурным соображениям приписанное Пушкиным Пиндемонти (или Пиндемонте), носит несомненно автобиографический характер.

Экспонированы:

Текст стихотворения в сопоставлении с материалами, касающимися биографии Пушкина. К стихам:

Никому
Отчета не давать, себе лишь самому
Служить и угождать, для власти, для ливреи
Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи,
По прихоти своей скитаться здесь и там...

приведен отрывок из письма Пушкина к жене: „Зависимость, которую налагаем на себя из честолюбия или из нужды, унижает нас. Теперь они смотрят на меня, как на холопа, с которым можно им поступать, как им угодно. Опала легче презрения. Я, как Ломоносов, не хочу быть шутом нижѐ у господа бога“ (8 июня 1834 г.).

Другая цитата, из письма Бенкендорфа Пушкину, говорит о том, как затруднено было для Пушкина „скитание по прихоти“; „К крайнему моему удивлению услышал я, по возвращении моем в Петербург, что вы внезапно рассудили уехать в Москву, не предваря меня... Я вменяю себе в обязанность вас предуведомить, что все неприятности, коим вы можете подвергнуться, должны вами быть приписаны собственному вашему поведению“ (17 марта 1830 г.).

„Когда за городом, задумчив, я брожу...“

Стихотворение при жизни Пушкина не печаталось. Написано 14 августа 1836 г. на Каменном Острове, где Пушкин жил непосредственно перед переездом в квартиру на Мойке.

Мотив деревенского кладбища, видимо, был навеян посещением кладбища в Святых Горах, на котором в апреле 1836 г. Пушкин похоронил свою мать.

Печатный текст стихотворения дается вместе с литографией, изображающей кладбище Святогорского монастыря с могилами Ганнибалов и Пушкиных.

„Была пора: наш праздник молодой...“

Пушкин „по обыкновению и к 1836 году приготовлял лирическую песнь, но не успел ее докончить. В день праздника он извинился перед товарищами, что прочтет им пьесу не вполне доделанную, развернул лист бумаги, помолчал немного и только что начал, при всеобщей тишине, свою удивительную строфу: «Была пора: наш праздник молодой сиял, шумел и розами венчался», как слезы покатились из глаз его... Он положил бумагу на стол и отошел в угол комнаты на диван... Другой товарищ уже прочел за него последнюю лицейскую годовщину“ (рассказ М. Л. Яковлева).

Лицейская годовщина справлялась у М. Л. Яковлева, и по обычаю велся протокол собрания. В третьем пункте его запись: „Читали письма, писанные некогда отсутствующим братом Кюхельбекером к одному из товарищей“.

Стихотворение писалось, когда Пушкин жил в своей последней квартире, и осталось неоконченным.

Экспонированы:

Текст стихотворения, монтированный с изображениями, иллюстрирующими стихи: „Чему, чему свидетели мы были“:

Война 1812-го года, литография с картины Белланжа.

Наполеон на острове св. Елены, лит. Дельпека.

Восстание в Неаполе, грав. Массона, по рис. Герена.

Греческое восстание, грав. Массона, по рис. Герена.

Казнь Риего, грав. Массона, по рис. Герена.

Тему Лицея иллюстрируют:

Юношеский портрет Пушкина, гравированный Е. Гейтманом.

Акварельные портреты лицейских товарищей Пушкина — А. А. Дельвига, Н. А. Корсакова и Ф. Ф. Матюшкина.

Виды лицея: фасад со стороны каскадов — акварель Госсе, 1823 г.; фасад со стороны царскосельского парка — литография по рис. Госсе; лицейский сад с беседкой „Грибок“ — воспроизведение акварельного рисунка.

Протокол собрания лицеистов, первая половина которого написана рукою Пушкина. Вместе с протоколом даны портрет В. К. Кюхельбекера (снимок с рисунка, сделанного в Сибири) и группа декабристов, изображенных у ворот острога (акварель одного из декабристов).

Портрет лицейского старшины М. Л. Яковлева — карандашный рисунок неизвестного художника.

„Я памятник себе воздвиг нерукотворный...“

В написанном за несколько месяцев до смерти (21 августа 1836 г.) стихотворении Пушкин подводит итоги своей поэтической деятельности и, заглядывая в будущее, определяет свое место в нем. Надежды Пушкина оправдались — его „заветная лира“ пережила его прах и теперь, через сто лет после его смерти, звучит полногласно.

Экспонированы:

Автограф стих. „Я памятник себе воздвиг нерукотворный...“

Текст этого стихотворения, монтированный с изданиями произведений Пушкина на языках тех народов, которым он хотел быть известен, и с цитатой: „Великая пролетарская революция впервые по-настоящему создает Пушкину подлинную народную славу национального русского поэта, славу великого поэта народов Советской страны“ („Правда“, 17 дек. 1935 г.).

Портрет А. Н. Радищева, имя которого стояло в первоначальном тексте четвертой строфы.

Переделанный Жуковским из цензурных соображений текст окончательной редакции четвертой строфы.

Вольнолюбивые стихотворения Пушкина, распространявшиеся в списках и служившие декабристам агитационным материалом.

Оды Горация — „Exegi monumentum“ и Державина — „Памятник“, послужившие прототипом пушкинского стихотворения; даны с изображением Горация и портретом Державина.



СПАЛЬНЯ

В этой комнате, кроме существующих сейчас дверей, была еще дверь у бокового окна, против двери из гостиной. Вела эта дверь в комнаты, которые оказались отрезанными от квартиры Пушкина в результате перестройки дома в 1910 г. До перестройки между стеной спальни и второй аркой ныне заложенных ворот по фасаду были две комнаты, в которых при Пушкине, видимо, жили сестры Н. Н. Пушкиной — Екатерина и Александра Николаевны Гончаровы. Из них Екатерина, вышедшая 10 января 1837 г. замуж за Дантеса, тогда же переехала к своему мужу, а Александра оставалась жить с семьей Пушкиных до трагической смерти поэта и покинула квартиру вместе с Н. Н. Пушкиной.

На плане Жуковского указано, что комната была разгорожена ширмой, за которой, в сторону двери в детскую, стояла кровать. В счетах мебельщика Гамбса (выставленных в этой же комнате вместе с другими неоплаченными Пушкиным счетами) упоминается ширма в 8 створок, красного дерева, обитых тафтой, стоимостью 280 р., за установку которой надлежало заплатить 75 р.

При реставрационных работах удалось найти кусок старой штукатурки зеленоватого цвета, каким сейчас и выкрашена эта комната.

Материалы, выставленные в спальне, освещают взаимоотношения Пушкина с цензурой и враждебными литературными кругами, материальные его затруднения (в частности — долг казне) и, наконец, те условия жизни в среде официального и светского Петербурга, которые привели его к гибели.

*

Цензура.

Николай I при своем воцарении заявил Пушкину о том, что он будет сам его цензором, но произведения Пушкина уродовались и запрещались не одним Николаем. В письме к Д. В. Давыдову в августе 1836 г. Пушкин пишет: „Ценсура, дело земское; от нее отделили опричину — а опричники руководствуются не Уставом, а своим крайним разумением... Тяжело, нечего сказать. И с одною ценсурою напляшешься; каково же зависеть от целых четырех?“

Пушкин должен был представлять свои произведения в общую цензуру, над которой стоял министр народного просвещения Уваров, говоривший, что цензура есть его полиция, а он — полицмейстер литературы. Кроме того, все произведения Пушкина надо было представлять Николаю, т. е. фактически Бенкендорфу, который цензуровал их аппаратом III отделения.

О том, как цензура относилась к Пушкину, у нас сохранились замечания в дневнике одного из самих цензоров, А. В. Никитенко: „Пушкина жестоко жмет цензура. Он жаловался на Крылова и просил себе другого цензора, в подмогу первому. Ему назначили Гаевского. Пушкин раскаивается, но поздно. Гаевский до того напуган гауптвахтой, на которой просидел восемь дней, что теперь сомневается, можно ли пропускать в печать известия, вроде того, что такой-то король скончался“ (14 апреля 1836 г.).

Экспонированы:

Портрет министра народного просвещения С. С. Уварова, литография Крея.

Портрет председателя цензурного комитета М. А. Дондукова-Корсакова, лит. А. Никельса, 1835 г.

Портрет А. Х. Бенкендорфа, карандашный рисунок Жирара, по портрету Дица.

Портрет-шарж цензора А. В. Никитенко, рис. цветными карандашами, неизвестного художника.

Рукописи запрещенной статьи Пушкина о Радищеве и его заявления в цензурный комитет о возвращении этой статьи автору.

Рукопись „Медного Всадника“ с цензурными пометками Николая I.

Воспроизведение картины неизвестного художника, изображающей „субботу“ у Жуковского, монтированное вместе с цитатой из воспоминаний Н. И. Иваницкого: „В 1836 году, в последний год жизни Пушкина, у Жуковского были субботы. Однажды, в субботу, сидели у него Крылов, Краевский и еще кто-то. Вдруг входит Пушкин, взбешенный ужасно. Что за причина — спрашивают все. А вот причина: цензор Крылов не хочет пропустить в стихотворении Пушкина — «Пир Петра Великого» — стихов: «чудотворца-исполина чернобровая жена...» Пошли толки о цензорах“.

Литературные враги Пушкина.

Гений Пушкина непрерывно развивался, и его прозаические произведения последних лет открывали новую страницу русской литературы. Между тем, группа реакционных литераторов во главе с агентом III отделения Булгариным организовала настоящую травлю Пушкина, стараясь доказать, что талант его упал и что он только в силу этого принялся за журнальную деятельность. Официозная газета „Северная Пчела“, издававшаяся Булгариным, писала: „Поэт променял золотую лиру свою на скрипучее неумолкающее... перо журналиста... И для чего ж он променял свою блестящую, завидную судьбу на тяжкую долю труженика... Вместо звонких, сильных стихов его лучшего времени читаешь его вялую, ленивую прозу, его горькие, печальные жалобы. Пожалейте поэта“ (1836, № 162).

Другая оценка из того же лагеря, комически звучащая в наше время, дана Пушкину Кукольником: „Разговорясь

однажды о литературе и о значении Пушкина, он ‹Кукольник› сказал: «Пушкин, бесспорно, поэт с огромным талантом, гармония и звучность его стиха удивительны, но он легкомыслен и не глубок. Он не создал ничего значительного; а если мне бог продлит жизнь, то я создам что-нибудь прочное, серьезное и, может быть, дам другое направление литературе...»“ (И. И. Панаев. Литературные воспоминания).

Экспонированы:

Портреты Ф. В. Булгарина (литография Гюо) и Н. И. Греча (гравюра Т. Райта), монтированные вместе с номером „Северной Пчелы“.

Карикатура на Булгарина, литография Р. Жуковского, запрещенная цензурой.

Портрет О. И. Сенковского, гравюра (из книги „Сто русских литераторов“).

Портрет Н. В. Кукольника, гравюра с ориг. К. Брюллова (из книги „Сто русских литераторов“).

Иллюстрация неизвестного художника к драме Кукольника „Рука всевышнего отечество спасла“, монтированная с текстом И. С. Тургенева: „...стоит только вспомнить, кому рукоплескали, кого приветствовали в то время, когда вокруг умолкнувшего Пушкина водворилась тишина. Это вторжение в общественную жизнь того, что мы решились бы назвать *ложно-величавой школой,* продолжалось недолго..., но что было шума и грома! Произведения этой школы, проникнутые самоуверенностью, доходившей до самохвальства, посвященные возвеличиванию России — во что бы то ни стало, в самой сущности не имели ничего русского: это были какие-то пространные декорации, хлопотливо и небрежно воздвигнутые патриотами, не знавшими своей родины“ („Воспоминания о Белинском“).

Материальные затруднения.

Материальная необеспеченность Пушкина в последние годы жизни, его непрерывно росшие долги, достигшие к моменту его смерти громадной суммы 120 тысяч рублей,

вызывали то напряженно-беспокойное состояние, которое отчасти было одной из причин его гибели.

Пушкин вынужден был жить не по средствам. Выезды в свет, дорогие наряды его жены, общие условия жизни в Петербурге требовали много денег. Кроме того, Пушкину пришлось взять на себя управление разоренными имениями и содержать как родителей, так и беспечного брата и сестру с ее назойливым мужем. Пушкин пишет: „Я теряю время и силы душевные, бросаю за окошки деньги трудовые и не вижу ничего в будущем. Отец мотает имение без удовольствия, как без расчета; твои теряют свое... Что из этого будет? Господь ведает“ (письмо к жене, сентябрь 1835 г.).

Издание „Современника“ не дало ожидаемого дохода.

В итоге — огромное количество накоплявшихся с 1832 г. неоплаченных счетов — от лавочников, портных, каретника, модисток, мебельщика, книгопродавцев, бумажной фабрики, типографии и т. п., векселя, залоговые расписки и напоминания кредиторов. Заложено Пушкиным было не только его собственное имущество, но и серебро его свояченицы А. Н. Гончаровой и друга С. А. Соболевского. „Живо воображаю первое число. Тебя теребят за долги, — Параша, повар, извощик, аптекарь, М-м Зихлер и т. д., у тебя нехватает денег...“, пишет он жене. „Деньги, деньги! Нужно их до зареза“, пишет он Нащокину 27 мая 1836 г.

Экспонированы:

Оставшиеся в делах Опеки неоплаченные счета и другие денежные документы, в числе которых расписка о долге Пушкина своему камердинеру на сто рублей и заборная книжка из мелочной лавки с записью под 29-м января той самой моченой морошки, которой умирающий Пушкин попросил Наталью Николаевну покормить его (см. далее, стр. 72).

Письма Пушкина с просьбой о займе денег.

Заметки Пушкина — подсчет расходов и подсчет долгов.

В группе экспонатов, относящихся к делам по управлению имениями и содержанию родственников, представлены:

Рукопись Пушкина „Щеты по части управления Болдина“.

Портрет С. Л. Пушкина, снимок с карандашного рис. К. Гампельна. В письме к жене Пушкин пишет: „Сегодня едут мои (родители) в деревню, и я их иду проводить... Уж как меня теребили... А делать нечего. Если не взяться за имение, то оно пропадет же даром; Ольга Сергеевна и Лев Сергеевич останутся на подножном корму, а придется взять их мне же на руки, тогда-то наплàчусь и наплачу̀сь, а им и горя мало! Меня же будут цыганить. Ох, семья, семья!“ (11 июня 1834 г.).

Портрет Л. С. Пушкина, миниатюра неизвестного художника. Пушкину приходилось не только содержать своего брата, но и оплачивать его долги: „Податель сего есть честный и больной мой приятель, которому я прошу тебя отдать занятые у меня повесою твоим братом 500 руб. ассигнац. и 30 червонцев. Время тебе, Александр Сергеевич, рассчитаться со мною; ... Вот тебе и вся сказка, которая может быть не так тебе приятна, как нам твои“ (письмо А. П. Плещеева к Пушкину, 3 октября 1836 г.).

Портрет О. С. Павлищевой, снимок с карандашного рисунка неизв. художника, 1833 г.

Портрет Н. И. Павлищева, акварель А. Покровского. Пользуясь тем, что имения были не разделены, зять Пушкина Н. И. Павлищев постоянно надоедал ему просьбами о деньгах.

В разделе — финансовые расчеты по „Современнику“ — показаны:

Счета Гуттенберговой типографии с письмом ее владельца: „... пришлите с посланным моим следующие мне по счету деньги, в которых я терплю крайнюю теперь нужду. Вы, кажется, не можете на меня пожаловаться — я был необыкновенно терпелив...“ (В. Враский — Пушкину, 29 октября 1836 г.).

Счета бумажной фабрики Кайданова.

Наружный вид лавки Смирдина, фрагмент панорамы Невского проспекта, рисов. Садовниковым.

Пушкин в лавке Смирдина, грав. Галактионова, по рис. Сапожникова („Новоселье“, 1834 г.).

Портрет издателя и книготорговца А. Ф. Смирдина, грав. М. Леммеля. Принимаясь за издание журнала „Современник“, Пушкин знал, что в денежном отношении это менее выгодно, чем отдавать свои произведения издателям. В письме к П. В. Нащокину, в октябре 1835 г., он говорит: „Денежные мои обстоятельства плохи — я принужден был приняться за журнал. Не ведаю, как еще пойдет. Смирдин уже предлагает мне 15 000, чтоб я от своего предприятия отступился, и стал бы снова сотрудником его Библиотеки. Но хотя это было бы и выгодно, но не могу на то согласиться. Но Сенковский такая бестия, а Смирдин такая дура — что с ними связываться невозможно“.

Долг казне.

Для печатания „Истории Пугачева“ Пушкину пришлось просить заимообразно деньги у казны. Когда истек срок выплаты этого долга, Пушкин не только не смог возвратить его, но должен был просить о новой ссуде.

Из числа денежных обязательств Пушкина долг казне был для него самым тяжелым, так как держал его в денежной зависимости от Николая I. После получения анонимных писем в ноябре 1836 г. Пушкин немедленно обращается к министру финансов Е. Ф. Канкрину с предложением принять в казну принадлежавшую ему часть имения Болдина в уплату его долга казне.

Экспонированы:

Дело о выдаче Пушкину 20 тысяч рублей и просьба о рассрочке платежа.

Текст письма к Е. Ф. Канкрину об уплате долга (6 ноября 1836 г.) и ответ Канкрина.

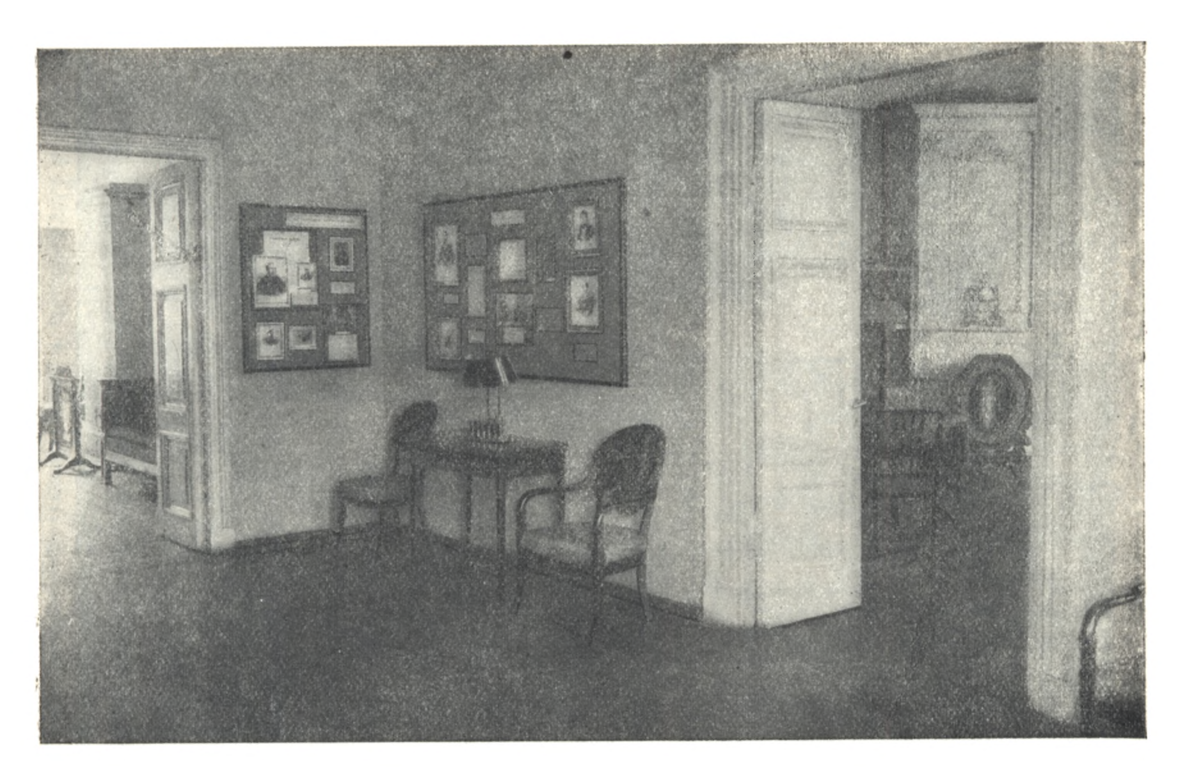
Портрет Е. Ф. Канкрина, литография Гельбаха, по рис. Фридрица.

Официальный и светский Петербург.

Эта группа экспонатов освещает взаимоотношения Пушкина и той среды, в которой он вращался, вынужденный жить в Петербурге в силу своего служебного поло-



Экспозиция темы „Официальный и светский Петербург“.



Часть спальни с дверями в гостиную и детскую.

жения и бывать в свете в качестве мужа красивой женщины, которую хотели видеть при дворе.

Отношение замученного Пушкина к этой среде образно выражено им в письме к П. А. Осиповой: „Поверьте мне, что жизнь, какой бы ни была она сладкой привычкой, содержит в себе горечь, делающую ее отвратительной, свет же — это гадкая, грязная лужа“ (октябрь 1835 г.).

С другой стороны, Бенкендорф с откровенным цинизмом называет то, ради чего Николай I „покровительствует“ Пушкину, держит его при дворе и не выпускает из Петербурга: „Он ‹Пушкин› порядочный шалопай, но если удастся направить его перо и его речи, то это будет выгодно“.

Пушкина безуспешно старались не только „обезвредить“, но и превратить в угодливого придворного поэта, который направил бы свое гениальное дарование на воспевание николаевского царствования.

В этом направлении предпринимались разнообразные попытки. Ему делались выговоры как придворному, его душила царская цензура, его держали в тисках материальной необеспеченности, ему не давали возможности работать в тех условиях, какие ему были необходимы, наконец, провокационно вмешивались в его семейную жизнь.

В. А. Соллогуб говорит в своих „Воспоминаниях“ о Пушкине: „Он в лице Дантеса искал или смерти, или расправы со всем светским обществом“.

Только совокупность всех фактов и обстоятельств этой разнообразной травли объясняет поведение Пушкина в последние годы его жизни, его оскорбительное письмо Геккерену и последовавшую за этим дуэль, хотя внешним поводом для них кажется ревность Пушкина к Дантесу.

Пушкин не видел выхода из создавшегося положения. Середина тридцатых годов и объективно не была перио-

дом революционного подъема, который бы мог увлечь Пушкина на непосредственную политическую борьбу против того общества, в котором он жил. Катастрофа стала неминуемой.

Экспонированы:

Портрет Пушкина, копия с портрета раб. Линева. Портрет этот считается последним из прижизненных изображений Пушкина. Возможно, что этот портрет был сделан и не при жизни Пушкина, а непосредственно после его смерти. За это говорит слишком большое сходство его с зарисовками Пушкина в гробу; в частности, неестественно положение шеи, более соответствующее лежачему положению тела. Во всяком случае, иконографически этот портрет не находится в противоречии с сохранившимися описаниями внешности Пушкина последних лет.

Автограф стихотворения „Пора, мой друг, пора", монтированный вместе с видами Михайловского и Болдина и цитатой из письма Пушкина к Бенкендорфу: „Я вижу себя вынужденным положить конец тратам, которые ведут только к долгам и которые мне готовят будущее, полное беспокойства и затруднений, если не нищеты и отчаяния. Три или четыре года пребывания в деревне мне доставят снова возможность возвратиться в Петербург и взяться за занятия" (1 июня 1835 г.). Пушкин рвался из Петербурга в деревню, где были необходимые для его творчества условия. Болдино и Михайловское являлись местами наиболее плодотворной творческой работы Пушкина. Мечты устроиться в маленьком домике вблизи Михайловского не раз служат предметом обсуждения в его переписке с П. А. Осиповой: „Я попросил бы вас, как добрую соседку и дорогого друга, сообщить мне, не мог ли бы я приобрести Савкино и на каких условиях. Я бы построил там хижину, разложил свои книги и приезжал туда проводить несколько месяцев в году вблизи моих добрых и старых друзей. Что вы скажете о моих воздушных замках, т. е. о моей избушке в Савкине? Меня этот проект восхищает, и я к нему постоянно возвращаюсь" (29 июня 1831 г.). Желание бежать из Петербурга постоянно звучит в письмах Пушкина: „Дай бог тебя мне увидеть здоровою, детей целых и живых! да плюнуть на Петербург, да подать в отставку, да удрать в Болдино... Неприятна зависимость; особенно, когда лет 20 человек был независим. Это не упрек тебе, а ропот на самого себя" (к жене, 18 мая 1834 г.). „Ух кабы мне удрать на чистый воздух!" (к жене, 11 июня 1834 г.). „Я рас-

считывал съездить в Михайловское и не мог. Это расстраивает меня по крайней мере еще на год. В деревне я бы много работал, — здесь я ничего не делаю, как только раздражаюсь до желчи" (к отцу, 20 октября 1836 г.).

Портрет А. Х. Бенкендорфа, литография Обера.

Портрет Николая I, рис. К. Брюллова, монтированный с текстом Пушкина: „Кто-то сказал о государе: В нем много прапорщика и мало Петра Великого" (запись в дневнике от 21 мая 1834 г.).

Портрет А. Я. Булгакова, акварельный рисунок Молинари. Булгаков был московским почт-директором и перлюстрировал письма, посылаемые Пушкиным жене. „Полиция распечатывает письма мужа к жене и приносит их читать царю... и царь не стыдится в том признаться — и давать ход интриге, достойной Видока и Булгарина! Что ни говори, мудрено быть самодержавным" (дневник, 10 мая 1834 г.).

Портрет оберкамергера Ю. П. Литты, акварельный рисунок-шарж Э. Сен-При. Литта был начальником Пушкина по придворной службе. Шарж монтирован вместе с текстом из дневника Пушкина: „... нашел у себя... приказ явиться к графу Литте. Я догадался, что дело идет о том, что я не явился в придворную церковь ни к вечерне в субботу, ни к обедне в вербное воскресение. ...Однакож я не поехал на головомытье, а написал изъяснение" (16 апреля 1834 г.).

Снимок газетного сообщения о назначении Пушкина камер-юнкером и отзыв Пушкина в дневнике от 1 января 1834 г. на это назначение.

Портрет С. С. Уварова, гравюра Н. Уткина с портр. В. Голике. Министр народного просвещения Уваров был зол на Пушкина за стихотворение „На выздоровление Лукулла", в котором он узнал себя. Пушкин дает такую характеристику Уварова в своем дневнике (февраль 1835 г.): „Кстати об Уварове: это большой негодяй и шарлатан. Разврат его известен... Он крал казенные дрова и до сих пор на нем есть счеты..."

Портрет К. В. Нессельроде, литография Ольдермана с портр. Ф. Крюгера. Управляющий министерством иностранных дел К. В. Нессельроде был начальником Пушкина по службе в этом министерстве.

Портрет М. Д. Нессельроде (снимок с акварели В. Гау), жены К. В. Нессельроде, резко враждебно относившейся к Пушкину.

Портрет И. Г. Полетика (снимок с портрета раб. К. Брюллова), ненавидевшей Пушкина и содействовавшей встречам Н. Н. Пушкиной с Дантесом.

Портрет С. Г. Строганова, литография Гюо с ориг. Штейбена. Родственник Н. Н. Пушкиной Строганов являлся типичным представителем той знати, о которой А. И. Тургенев говорит: „Знать наша не знает славы русской, олицетворенной в Пушкине“.

Зимний дворец, литография К. Беггрова по рис. Сабата и Шифляра.

Аничков дворец, литография по рис. К. Тона. В этом дворце происходили придворные интимные балы. Пушкин был произведен в камер-юнкеры, так как Николаю I хотелось, чтобы Н. Н. Пушкина могла посещать эти балы.

Открытие Александровской колонны, литография по рис. Разумихина. Пушкин как камер-юнкер должен был присутствовать на этом открытии. В своем дневнике он записывает: „... я был в отсутствии — выехал из П. Б. за 5 дней до открытия Александровской колонны, чтобы не присутствовать при церемонии вместе с камер-юнкерами — своими товарищами“ (28 ноября 1834 г.).

Рисунок дамских мундирных платьев, введенных Николаем I, монтированный вместе с выдержкой из дневника Пушкина: „Осуждают очень дамские мундиры — бархатные, шитые золотом, особенно в настоящее время, бедное и бедственное“ (27 ноября 1833 г.).

Счет за наряды Нат. Ник. Пушкиной, монтированный вместе с картинкой женских мод 1836 г.

Страницы газеты „Северная Пчела“, 1836 г., № 162, со статистикой самоубийств в Петербурге, характеризующей настроения общества.

Отрывок из письма Пушкина к Чаадаеву от 19 октября 1836 г.: „Нужно признаться, что наша общественная жизнь очень печальна, что это отсутствие общественного мнения, это равнодушие ко всему, что составляет долг, справедливость и правду, это циническое презрение к мысли и к человеческому достоинству в самом деле приводит в отчаяние“.

В отдельной группе — портрет Н. Н. Пушкиной (акварель раб. В. Гау) и ее сестер, А. Н. Гончаровой (снимок с аквар. портр. неизв. худ.) и Е. Н. Гончаровой (снимок с портр. раб. Г. Вельтца), в сопровождении текстов: „Не мешай мне, не стращай меня, будь здорова, смотри за детьми, не кокетничай с царем... Я пишу, я в хлопотах, никого не вижу“ (письмо Пушкина к жене, 11 октября 1833 г.) и „Мой совет тебе и сестрам — быть подале от двора: в нем толку мало“ (11 июня 1834 г.). Женитьба связывала Пушкина с Петербургом, мешала его работе и лишала его независимости „... нет у меня досуга, вольной холостой жизни,

необходимой для писателя. Кружусь в свете, жена моя в большой моде — все это требует денег, деньги достаются мне через труды, а труды требуют уединения" (письмо Пушкина к П. В. Нащокину, февраль 1833 г.). А в письме к жене 11 июня 1834 г. он говорит: „... вы, бабы, не понимаете счастья независимости и готовы закабалить себя навеки, чтобы только сказали про вас: вчера на балу такая-то была прекраснее всех и наряднее всех одета".

Два изображения светских вечеров (акварели А. О. Заранека и неизвестного художника из альбомов 1830-х годов) и образцы пригласительных билетов на светские увеселения, комментированы выпиской из дневника Пушкина от 14 декабря 1833 г.: „Кочубей и Нессельроде получили по 200 000 на прокормление своих голодных крестьян, — эти четыреста тысяч останутся в их карманах... В обществе ропщут, — а у Нессельроде и Кочубей будут балы — (что также есть способ льстить двору)".

Анонимное письмо, полученное Пушкиным 4 ноября 1836 г. (перевод): „Кавалеры большого креста, командоры и рыцари светлейшего Ордена Рогоносцев в полном собрании своем, под председательством досточтимого великого магистра Ордена, его превосходительства Д. Л. Нарышкина, единогласно выбрали Александра Пушкина коадъютором (заместителем) великого магистра Ордена Рогоносцев и историографом ордена. Непременный секретарь: граф И. Борх".

Выдержка из письма Пушкина к жене 29 мая 1834 г.: „Ты разве думаешь, что свинский Петербург не гадок мне? что мне весело в нем жить между пасквилями и доносами?.."

Портрет Ж. Дантеса, рис. Т. Райта.

Портрет Л. Геккерена, снимок с литографии.

Портрет П. В. Долгорукова, литография К. Мюллера.

В. Ф. Вяземская дала такую характеристику Геккерену: „Старик барон Геккерен был известен распутством. Он окружал себя молодыми людьми наглого разврата и охотниками до любовных сплетен и всяческих интриг по этой части; в числе их находились кн. Петр Долгоруков..."

В углу у окон — статуэтка Пушкина, раб. Теребенева, гипс, с печатью скульптора на постаменте.



ДЕТСКАЯ

Комната эта при Пушкине была большего размера. Проведенная в 1910 г. за ее стеной новая парадная лестница дома отрезала от нее окно. Восстановить комнату полностью не удалось, так как это потребовало бы капитальной переделки всей центральной части дома в трех этажах. На зарисовке Жуковского детская обозначена неточно.

Описаний современников, относящихся к этой комнате, не сохранилось. Здесь, видимо, помещались все четверо детей Пушкина. Принимая во внимание, что младшая дочь Наталья была грудным ребенком, надо предполагать, что в этой же комнате жила и кормилица или нянька. Соседство детской с рабочим кабинетом Пушкина говорит о том, что домашние условия для работы поэта были неблагоприятные.

Экспонаты этой комнаты иллюстрируют историю дуэли и смерти Пушкина и знакомят с откликами современников на это событие.

*

Дуэль и смерть.

В передовой статье „Правды“ от 17 декабря 1935 г. отмечается: „Давно развеяна наукой официально-либеральная легенда о смерти Пушкина на дуэли из личных мотивов. Поединок Пушкина, затравленного придворной челядью, был завершением длительной борьбы, которую гениальный поэт вел с реакционным дворянством за судьбы русской литературы“.

Раненый на поединке, Пушкин умер. Но одновременно произошло то, чего никак не ожидали ни Николай I, ни его приспешники.

Даже при тогдашних условиях, когда литература была достоянием только верхушечных слоев интеллигенции, — смерть поэта всколыхнула и взволновала весь Петербург, и около 50 тысяч человек явились к квартире поэта для выражения своей любви к нему и ненависти к его убийцам. Здесь были, конечно, не только поклонники его таланта, но и все те, для кого Пушкин являлся символом народного борца, знаменем протеста против существовавшего тогда социально-политического режима. „Смерть Пушкина представляется здесь как несравнимая потеря страны, как общественное бедствие“, — доносил прусский посланник своему правительству.

Из „Отчета о действиях корпуса жандармов за 1837 г.“ видно, как сами блюстители порядка расценивали факт такого отношения общества к смерти Пушкина: „Пушкин соединил в себе два единых существа: он был великий поэт и великий либерал, ненавистник всякой власти. Осыпанный благодеяниями государя, он, однакоже, до самого конца жизни не изменился в своих правилах, а только в последние годы стал осторожнее в изъявлении оных. Сообразно сим двум свойствам Пушкина образовался и круг его приверженцев. Он состоял из литераторов и из всех либералов нашего общества. И те и другие приняли живейшее, самое пламенное участие в смерти Пушкина; собрание посетителей при теле было необыкновенное; отпевание намеревались делать торжественное, многие располагали следовать за гробом до самого места погребения в Псковской губернии; наконец, дошли слухи, что будто в самом Пскове предполагалось выпрячь лошадей и везти гроб людьми, приготовив к этому жителей Пскова. — Мудрено было решить, не относились ли все эти почести более к Пушкину-либералу, нежели к Пушкину-

поэту. — В сем недоумении и имея в виду отзывы многих благомыслящих людей, что подобное как бы народное изъявление скорби о смерти Пушкина представляет некоторым образом неприличную картину торжества либералов, — высшее наблюдение признало своею обязанностию мерами негласными устранить все почести, что и было исполнено“.

Пушкина и после его смерти боялись — оставались его рукописи. Их надо было тоже обезвредить. Для этого, через час после смерти поэта, кабинет его был опечатан, и от Бенкендорфа поступило распоряжение представить ему для прочтения все оставшиеся бумаги Пушкина.

Экспонированы:

Отрывки письма Пушкина к Геккерену.

Портрет К. К. Данзаса (снимок с рис. неизв. художн.), лицейского товарища Пушкина и секунданта его на дуэли.

Кондитерская Вольфа на углу Невского и Мойки, где Пушкин ожидал Данзаса перед отправлением на дуэль (фрагмент панорамы Невского проспекта по рис. Садовникова, 1835 г.).

Текст условий дуэли.

Дуэль Пушкина, литография А. Горбова, 1936 г.

Описание дуэли, составленное из материалов воспоминаний свидетелей и современников.

Дуэль Пушкина, гравюра на дереве П. Павлинова, 1928 г.

Возвращение Пушкина после дуэли, снимок с рис. П. Бореля.

Портрет врача В. Шольца, оказавшего первую помощь Пушкину, литография Козлова.

Портрет лейб-медика Н. Ф. Арендта, акварель на фарфоре неизвестного художника. Арендт руководил лечением Пушкина.

Полицейское донесение о дуэли и состоянии здоровья Пушкина.

Портрет В. И. Даля, воспроизведение рисунка неизвестного художника. Даль лечил Пушкина и оставался при нем до смерти.



Экспозиция темы „Дуэль и смерть Пушкина“.



Часть детской с дверями в спальню.

Портреты друзей Пушкина, бывших при нем во время болезни и смерти:

В. А. Жуковский, акварель П. Соколова.

А. И. Тургенев, литография Энгельмана по рис. Виньерона.

П. А. Вяземский, снимок с рис. Дица.

Мих. Ю. Виельгорский, грав. Т. Райта с оригинала Крюгера.

П. А. Плетнев, литография Бориспольца.

В. Ф. Вяземская, снимок с портрета К. Рейхеля.

Толпа у квартиры Пушкина, грав. на дер. М. Иноземцевой, 1936 г.

Два бюллетеня о состоянии здоровья Пушкина, вывешивавшиеся Жуковским на квартире.

Записка В. Ф. Вяземской к Жуковскому с сообщением о состоянии здоровья Пушкина.

Маска Пушкина раб. Палацци, гипс.

Портрет Пушкина в гробу, рис. итальянским карандашом Ф. Бруни, 30 января 1837 г.

Траурная рамка с надписью: „29 января 1837 г. в 2 часа 45 минут Пушкин умер“.

В простенке между окнами:

Портрет жандармского генерала Л. В. Дубельта (гравюра), которому поручено было опечатывание кабинета Пушкина после его смерти.

Выдержка из записки Бенкендорфа Жуковскому по поводу разбора бумаг Пушкина: „Бумаги, могущие повредить памяти Пушкина, должны быть доставлены ко мне для моего прочтения. Мера сия принимается отнюдь не в намерении вредить покойному в каком бы то ни было случае, но единственно по весьма справедливой необходимости, чтобы ничего не было скрыто от наблюдения правительства, бдительность коего должна была быть обращена на все возможные предметы. По прочтении бумаг, ежели таковые найдутся, они будут немедленно преданы огню в вашем присутствии“.

Сопоставление текстов записи А. И. Тургенева и В. А. Жуковского, выясняющее мнимость версии Жуковского о высказанной Пушкиным перед смертью преданности Николаю I.

Похороны Пушкина.

Царское правительство приняло все меры для того, чтобы затруднить современникам выражение их чувств

1837 Генварь

18 20 Масла лампо 8 –

2ф Чернослив 1 " 40

19 10 рафинаду 11 50

1ф Черешни Берез 2 50

10 Лимонов фр 2

23 20ф Масла лампо 8 –

10 фитилей 1

2. дю Бумажных " 60

25 ½ Чаю цветочн 6

26 2ф Чернослив 1 40

27 20ф Масла " 8

29 2½ Мороженое 2

29 2ф Черн Хлеб мелко 3 " 20

10 Лимонов фр 2 –

1 бт Уксусу ст 1 –

61.

1837 Генваря

30 2 фун. черносливу 1 20

20 фун. масла 8 —

В генваре 204 60

За уплатою осталось по 1-е февраля тысячу четырнадцать рублей.

Наталья Пушкина

16 февраля 1837 —

Две страницы заборной лавочной книжки Пушкина с записью покупки моченой морошки 29 января 1837 г. (см. стр. 56).

к Пушкину. Примыкающие к квартире улицы и дворы кишели полицией и сыщиками. „В день, предшествовавший ночи, в которую назначен был вынос тела, в доме, где собралось человек десять друзей и близких Пушкина, чтобы отдать ему последний долг, в маленькой гостиной, где мы все находились, очутился целый корпус жандармов. Без преувеличения можно сказать, что у гроба собрались в большом количестве не друзья, а жандармы“ — сообщает П. А. Вяземский (письмо к в. кн. Мих. Павл. от 14 февраля 1837 г.). Вынос тела из квартиры был произведен тайком, ночью. Место отпевания было изменено, чтобы обмануть желающих на нем присутствовать. И все же во время отпевания обширная Конюшенная площадь перед церковью конюшенного ведомства и ближайшие к ней улицы были заполнены народом.

Ночью, также тайком, тело поэта было увезено из Петербурга, и одновременно было послано распоряжение Псковскому губернатору с запрещением при похоронах всего, „кроме того, что делается для всякого дворянина“.

Экспонированы:

Экземпляр пригласительного билета на отпевачие Пушкина.

Запись в метрической книге о смерти Пушкина.

Тайный увоз тела, снимок с картины В. Федорова, 1937 г., монтированный вместе с выписками из дневника и писем А. И. Тургенева: „2 февраля, Жуковский приехал ко мне с известием, что государь назначает меня провожать тело Пушкина до последнего жилища его. 3 февраля, в полночь мы отправились из Конюшенной церкви, с телом Пушкина, в путь; я с почтальоном в кибитке позади тела; жандармский капитан впереди... Дядька покойного желал также проводить останки своего доброго барина к последнему его жилищу, куда недавно возил он же и тело его матери; он стал на дрогах, кои везли ящик с телом, и не покидал его до самой могилы“.

Последний путь Пушкина, воспроизведение картины А. Наумова.

Выдержка из письма А. Х. Бенкендорфа к А. Н. Мордвинову о недопущении встречи тела Пушкина.

Похороны Пушкина в Святогорском монастыре, картина В. Федорова, 1937 г., гуашь.

Вид Святогорского монастыря, литография Иванова 1837 г.

Портрет А. И. Тургенева, воспроизведение портрета раб. Кестнера (1833 г.).

Запись П. А. Осиповой в календаре о похоронах Пушкина.

Портрет Пушкина, литография Клюндера, с запрещенной цензурою надписью: „Потух огонь на алтаре".

Современный вид могилы Пушкина, фотография.

Отклики на смерть.

Вюртембергский посол в донесении своему правительству писал: „Пушкину не трудно было возбудить против себя недовольство власти, ибо дух и направление его произведений давали слишком много поводов для доносов врагов. Вот настоящие причины того недоброжелательства, которое известная часть дворянства (особенно та, которая занимала видные посты в государстве) питала к Пушкину".

Даже приемный отец убийцы Пушкина, барон Геккерен, в письме барону Верстолку от 2 февраля 1837 г. вынужден был сообщить: „Долг чести повелевает мне не скрыть от вас того, что общественное мнение высказалось при кончине Пушкина с большей силой, чем предполагали. Но необходимо выяснить, что это мнение принадлежит не высшему классу..."

Из боязни, что отклики на смерть Пушкина примут в печати слишком демонстративный характер, петербургские журналы были тотчас взяты под особое наблюдение III отделения, а в отношении московских повременных изданий последовало распоряжение министра народного просвещения Уварова попечителю московского учебного

округа: „По случаю кончины А. С. Пушкина, без всякого сомнения, будут помещены в московских повременных изданиях статьи о нем. Желательно, чтобы при этом случае как с той, так и с другой стороны соблюдаема была надлежащая умеренность и тон приличия. Я прошу ваше сиятельство обратить внимание на это и приказать цензорам не дозволять печатания ни одной из вышеозначенных статей без вашего предварительного одобрения".

Экспонированы:

Сообщение о смерти Пушкина в „Литературных прибавлениях к Русскому Инвалиду" (1837 г., № 5).

Портрет А. А. Краевского, акварель неизвестного художника. Под портретом Краевского текст: „Делая выговор редактору «Литературных прибавлений» к «Русскому Инвалиду», А. А. Краевскому, попечитель учебного округа М. А. Дондуков-Корсаков сказал: «Я должен вам передать, что министр <С. С. Уваров> крайне, крайне недоволен вами! К чему эта публикация о Пушкине? Что это за черная рамка вокруг известия о кончине человека не чиновного, не занимавшего никакого положения на государственной службе?.. разве Пушкин был полководец, военачальник, министр, государственный муж?!. Писать стишки не значит еще, как выразился Сергей Семенович, проходить великое поприще!..»" (П. А. Ефремов. — Русск. Стар., 1880).

Портрет В. А. Каратыгина (гравюра Ф. Иордана по рис. М. Теребенева), монтированный с отрывком письма А. И. Тургенева к А. И. Нефедьевой, 1 февраля 1837 г.: „Сегодня, еще прежде дуэля назначена и в афишках объявлена была для бенефиса Каратыгина пиэса Пушкина «Скупой Рыцарь», сцены из «Ченстовой траги-комедии», Каратыгин по случаю отпевания Пушкина отложил бенефис до завтра, но пиэсы этой — играть не будут! вероятно опасаются излишнего энтузиасма".

Портрет Ф. Ф. Матюшкина (акварель), монтированный вместе с его письмом М. Л. Яковлеву по поводу смерти Пушкина.

Письмо неизвестного к В. А. Жуковскому и письмо неизвестного к А. Ф. Орлову о смерти Пушкина. Из обоих этих писем видно, что отклики на смерть Пушкина приняли определенно политическую окраску.

Портрет М. Ю. Лермонтова, раб. А. Шан-Гирея (масло).

Автограф и печатный текст стихотворения Лермонтова „Смерть поэта". Стихотворение широко распространялось в списках непосредственно после смерти Пушкина. Оно создало славу Лермонтову и послужило причиной его высылки на Кавказ.

Автопортрет Лермонтова на Кавказе.

Стихотворение Ф. И. Тютчева: „29 января 1837".

Портрет Ф. И. Тютчева, фотография.

Стихотворение А. В. Кольцова „Лес".

Портрет А. В. Кольцова, гравюра с ориг. К. Горбунова.

В витрине — жилет Пушкина, свеча с отпевания и перчатка Вяземского; при них подлинный автограф П. А. Вяземского; „Для хранения в Остафьеве. Жилет Александра Сергеевича Пушкина, в котором он дрался 27 января 1837 г. Свеча с отпевания его. Перчатка моя — другая перчатка [1] была также брошена в гроб его Жуковским. Александр Тургенев был отправлен с гробом". При перчатке имеется записка: „другая перчатка брошена в ящик, в который заколотили гроб Пушкина, когда повезли его. Февраль 1837".

Бюст Пушкина, раб. С. Гальберга, сделанный на основании посмертной маски (гипс, первый отлив).

Бюст В. А. Жуковского, раб. К. Вихмана, гипс.

Бюст П. А. Вяземского, раб. Терезы Ольденбургской, гипс.



КАБИНЕТ

Наиболее точные сведения о кабинете Пушкина дает зарисовка этой комнаты и расположения мебели в ней, сделанная Жуковским после смерти Пушкина. Из зарисовки видно, что полки с книгами занимали часть стены, смежной с детской, начиная от камина, далее шли вдоль стен, смежных с гостиной и передней, не доходя до двери

[1] Т. е. перчатка, принадлежавшая Жуковскому. (*Б. Ш.*)

из передней.[1] Кроме того, примерно от середины стены, смежной с гостиной, и почти до центра комнаты шли еще средние полки. За этими средними полками, в сторону камина, стоял диван, на котором умер Пушкин. Письменный стол Пушкина находился в промежутке между окном и краем средних полок, оставляя проход с боковых сторон. Рядом с ним, в сторону двери из детской, стояло рабочее кресло. В углу у двери из передней неясно обозначен еще какой-то предмет, по отметке похожий на печь, но печи в этом месте быть не могло. Другая неясная отметка приходится, примерно, на месте камина. Из современников Пушкина довольно подробно описывает кабинет Облачкин („Воспоминания о Пушкине“ — „Северная Пчела“, 1864, № 49), бывший у Пушкина за три недели до его смерти: „Кабинет Пушкина состоял из большой узкой комнаты. Посреди стоял огромный стол простого дерева, оставлявший с двух концов место для прохода, заваленный бумагами, письменными принадлежностями и книгами, а сам поэт сидел в углу в покойном кресле. На Пушкине был старенький, дешевый халат, каким обыкновенно торгуют

---

[1] Высказанное А. А. Платоновым в книге „Последняя квартира Пушкина“ (изд. Академии Наук, Л., 1927) предположение о том, что „полок у стены, смежной с передней, по всей вероятности, не было, и Жуковский, должно быть, ошибся, начав не с того конца чертить полки“, не представляется убедительным. Если бы такая ошибка произошла, когда он начал чертить, то чем же объяснить, что, делая пояснения к чертежу, он переметил также и неверно нарисованные полки буквой „d“, которой обозначены полки? И почему средние полки назывались бы средними в других описаниях современников, если за ними не было еще полок? Также противоречит плану Жуковского и другое предположение А. А. Платонова о том, что дверь в кабинет была ближе к стене, смежной с передней, а в гостиной около двери был камин. Камин этот, действительно, был, но только после Пушкина.

бухарцы в разноску. Вся стена была уставлена полками с книгами, а вокруг кабинета были расставлены простые плетеные стулья. Кабинет был просторный, светлый, чистый, но в нем ничего не было затейливого, замысловатого, роскошного, во всем безыскусственная простота и ничего поражающего".

Подтверждением того, что средние полки были у двери из гостиной и что эти полки были сквозными, служит запись П. И. Бартенева со слов кн. В. Ф. Вяземской (Русский Архив, 1888, II, стр. 311): „Диван, на котором лежал умиравший Пушкин, был отгорожен от двери книжными полками. Войдя в комнату, сквозь промежутки полок и книг можно было видеть страдальца. Тут стояла княгиня Вяземская в самые минуты последних его вздохов".

Отдельные упоминания об обстановке кабинета имеются в ряде воспоминаний. П. А. Плетнев в письме к В. Г. Теплякову (Истор. Вестн., 1887, т. 29, стр. 21) сообщает: „В четверг утром я сидел в его комнате несколько часов (он лежал и умер на своем красном диване, подле средних полок с книгами)".

Во время болезни Пушкина часть средних полок видимо была освобождена от книг и на них стояли лекарства, что видно из воспоминаний В. И. Даля (П. Е. Щеголев, Дуэль и смерть Пушкина, изд. 3, стр. 205): „Почти всю ночь продержал он меня за руку, почасту просил ложечку водицы или крупинку льда и всегда при этом управлялся своеручно: брал стакан сам с ближней полки, тер себе виски льдом, сам снимал и накладывал себе на живот припарки..."

А. И. Тургенев в письме к А. Нефедьевой („Пушкин и его современники", в. VI, стр. 52) приводит слова умирающего Пушкина: „Опустите сторы, я спать хочу".

Стол мог показаться Облачкину огромным потому, что, вероятно, была выдвинута боковая доска. Его же впечатление о кабинете как об „узкой“ комнате мало понятно.

Общую характеристику вкусов Пушкина, в отношении к обстановке, оставил первый биограф его — П. В. Анненков: „Пушкин был очень прост во всем, что касалось собственно до внешней обстановки... Иметь простую комнату для литературных занятий было у него даже потребностью таланта и условием производительности. Он не любил картин в своем кабинете, и голая серенькая комната давала ему больше вдохновения, чем роскошный кабинет с эстампами, статуями и богатой мебелью, которые обыкновенно развлекали его“.[1]

На основании этих данных была произведена реставрация кабинета Пушкина. Исследование стен обнаружило старую бледно-зеленоватую окраску комнаты, которая теперь восстановлена. Также восстановлен на старом месте камин в стене, смежной с детской.

В кабинете сосредоточены все сохранившиеся предметы, принадлежавшие Пушкину.

---

[1] На Пушкинских юбилейных выставках в Петербурге, 1880 г. (организованной Комитетом О-ва для пособия нуждающимся литераторам и ученым), и в Москве, 1899 г. (в Историческом Музее), была выставлена картина раб. Чернецова, изображающая Дарьяльское ущелье. В каталогах этих выставок имелось указание, что эта картина была подарена Пушкину на Кавказе кн. Г. Г. Гагариным и висела в кабинете Пушкина. Картина этого художника на такой сюжет имеется в Гос. Третьяковской галлерее, но датирована она 1851 г. В Гос. Русском Музее есть рисунок Чернецова с видом Дарьяльского ущелья, полностью совпадающий с картиной, находящейся в Третьяковской галлерее; на обратной стороне этого рисунка есть надпись Чернецова о том, что с этого рисунка сделана картина для Пушкина.



Кабинет.

Библиотека Пушкина. Пушкин любил книги, собирал их всю жизнь, пользуясь всяким случаем пополнить свою библиотеку. С книгами с первыми он прощался, когда, раненый, был принесен в свой кабинет. „Не желаете ли вы видеть кого-нибудь из близких приятелей, — спросил его доктор Шольц в 6 ч. 15 м. вечера в день дуэли. — Прощайте, друзья (сказал он, глядя на библиотеку)“ (Записки доктора Шольца).

О книгах он говорил в бреду за несколько минут до своей смерти: „умирающий, несколько раз, подавал мне руку, сжимал ее и говорил: «Ну, подымай же меня, пойдем, да выше, выше, — ну пойдем!» Опамятовавшись, сказал он мне: «Мне было пригрезилось, что я с тобой лезу вверх по этим книгам и полкам высоко, и голова закружилась»“ (Воспоминания В. И. Даля).

После смерти Пушкина, по поручению Опеки над его детьми, была произведена опись его библиотеки, причем есть основания думать, что часть книг была разобрана „на память“. Когда 16 февраля 1837 г. Н. Н. Пушкина с детьми покинула квартиру на Мойке и уехала к своему брату на „Полотняный Завод“, библиотека, так же как и все имущество квартиры, была упакована и отправлена на хранение в нанятую в Гостином Дворе кладовую. В дальнейшем библиотека была перевезена в подвалы казармы Конногвардейского полка, которым командовал второй муж Н. Н. Пушкиной — П. П. Ланской, оттуда перевозилась из одного имения Пушкиных в другое. Только в 1900 г., после шестидесяти трех лет блужданий, в течение которых она не могла не пострадать, библиотека была доставлена в Петербург, а в 1906 г. приобретена Академией Наук у внука поэта, А. А. Пушкина, и с этого времени хранилась в Пушкинском Доме Академии Наук. Теперь — через сто лет —

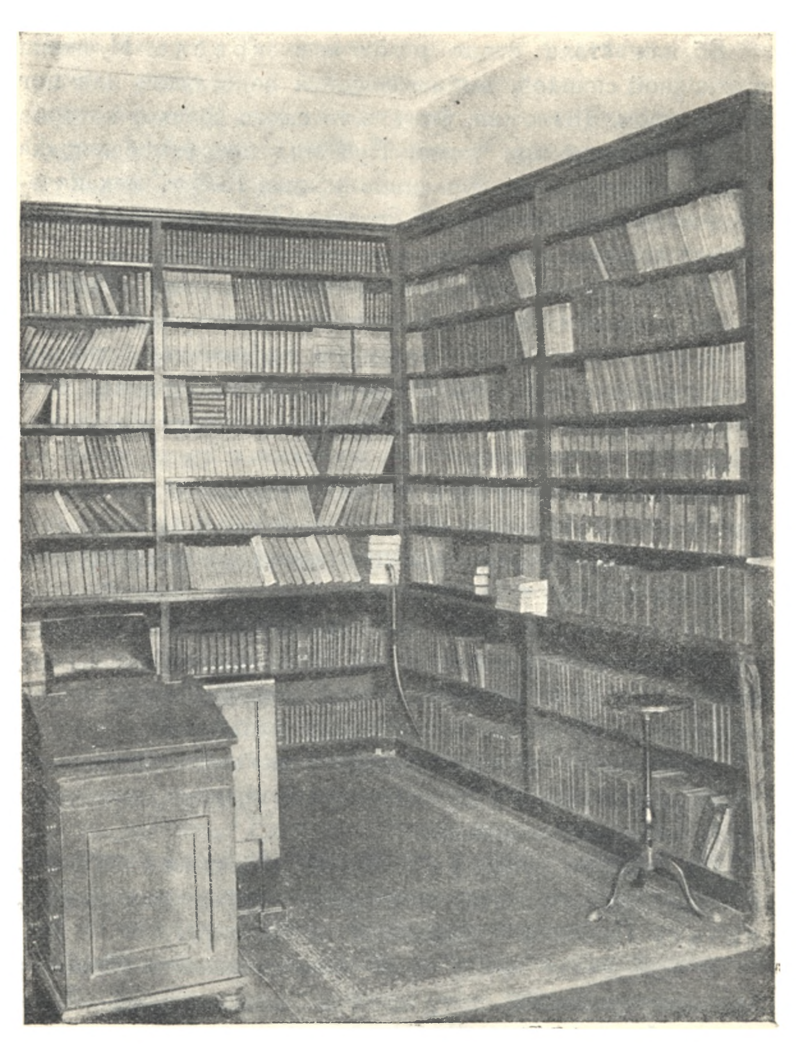
она вновь водворилась на свое старое место, в кабинете Пушкина. Каталог библиотеки составлен Б. Л. Модзалевским („Пушкин и его современники", в. IX—X). В нее входит 1523 названия, составляющие 3560 томов, на 14 языках, по самым разнообразным вопросам.

Письменный стол Пушкина. После смерти поэта этот стол был подарен П. А. Вяземскому и хранился в его имении Остафьево, под Москвой.

На столе стоит бронзовая чернильница с фигурой арапа, подаренная Пушкину к новому (1834) году его другом П. В. Нащокиным (см. стр. 14); разрезной ножик слоновой кости; настольная маленькая лампа-ночник из жести; гусиное перо, при котором имеется запись Н. Отрешкова о том, что это перо было взято со стола Пушкина 25 февраля 1837 г.; визитная карточка Пушкина на французском языке; воспроизведение последнего письма Пушкина к писательнице А. О. Ишимовой, написанного за час до дуэли:

„Милостивая Государыня Александра Осиповна, Крайне жалею, что мне невозможно будет сегодня явиться на Ваше приглашение. Покаместь честь имею препроводить к Вам Barry Cornwall — Вы найдете в конце книги пьэсы, отмеченные карандашом, переведите их как умеете — уверяю Вас, что переведете как нельзя лучше. Сегодня я нечаянно открыл Вашу Историю в рассказах и поневоле зачитался. Вот как надобно писать! С глубочайшим почтением и совершенной преданностию честь имею быть, Милостивая Государыня, Вашим покорнейшим слугою. А. Пушкин. 27 Янв. 1837."

Рядом с этим письмом лежит посылавшаяся при нем книга „The Poetical Works of Milman, Bowles, Wilson and Barry Cornwall", Paris, 1829, и том журнала „Современник", делами которого Пушкин также занимался в день дуэли,



Часть кабинета, где умер Пушкин.

Вблизи стола стоит рабочее кресло Пушкина с откидной спинкой, выдвигающейся подставкой для ног и пюпитром. Возможно, что это то самое кресло, которое в неоплаченном при жизни Пушкина счете мебельщика Гамбса отмечено как купленное 25 мая 1835 г. механическое вольтеровское кресло красного дерева с пюпитром, обитое красным сафьяном, стоившее 375 рублей.

Рабочая конторка красного дерева. Пушкин любил работать лежа. Конторка эта представляет ту особенность, что ее можно вплотную придвигать к дивану, а ее верхнюю часть можно надвигать на самый диван, благодаря чему конторка приходится над диваном и дает возможность писать лежа.

Маленький круглый столик красного дерева, на одной ножке. Подобные столики были широко распространены и служили переносной подставкой для подсвечников, стаканов и т. п.

Раскладной стол красного дерева. По преданию, сохранившемуся в семье Е. А. Толмачевой-Карпинской, этот стол и такой же второй были приобретены ее дедом на квартире Пушкина, вскоре после его смерти.[1]

Деревянный ларец, обшитый железом. Старинный ларец, перешедший к Пушкину от его предков, в котором он хранил архив и рукописи.

На камине: портрет Н. Н. Пушкиной, акв. А. Брюллова, графин и поднос рубинового стекла, печать Пушкина и бронзовый звоночек.

В простенках между окон: принадлежавшие Пушкину литографированные портреты поэтов-друзей Пушкина — Дельвига и Баратынского — и воспроизве-

---

[1] Стол принесен в дар музею Е. А. Толмачевой-Карпинской.

дение портрета Жуковского с его надписью: „Победителю ученику от побежденного учителя в тот высокоторжественный день, в который он окончил свою поэму Руслан и Людмила. 1820 Марта 26 великая пятница".

В углу, у книжных полок: сабля, подаренная Пушкину во время его поездки на Кавказ в 1829 г. Паскевичем.

Для того, чтобы создать целостное впечатление от комнаты, пришлось пополнить ее обстановку отдельными предметами, аналогичными несохранившимся.

В первую очередь это касается книжных полок, которые не сохранились. Они восстановлены по образцу полок, характерных для той эпохи. На зарисовке Жуковского на месте двери в гостиную отмечены полки, а сама дверь совсем не обозначена. Так как о наличии этой двери известно из других источников, то, чтобы не противоречить плану Жуковского, над ней установлена полка, соединяющая соседние, что часто практиковалось и, вероятно, имело место в кабинете Пушкина.

Не сохранился также большой красный диван, на котором умер Пушкин. О нем известно, что после смерти Пушкина Жуковский предлагал передать его П. В. Нащокину, от чего последний тогда отказался. В 1844 г. М. П. Погодин сделал попытку отыскать этот диван, но ему, видимо, это не удалось. [1] Поставленный в настоящее время диван является типичным спальным диваном первой трети XIX века, напоминающим диван, на котором сидит Пушкин на портрете работы художника Мазера.

Взамен несохранившихся, в кабинете поставлено еще несколько стульев эпохи Николая I и часы на камине, остановленные на времени смерти Пушкина.

---

[1] Н. Барсуков. „Жизнь и труды Погодина", кн. VII, стр. 310.

Из окон кабинета виден двор, в глубине которого находится здание так называемых „бироновых конюшен“, построенное еще при Анне Иоанновне и ныне частично загороженное надворными постройками и измененное.



ПЕРЕДНЯЯ

В эту комнату меньше чем через час после смерти Пушкина было перенесено его тело, и сюда приходили прощаться с ним. Кабинет Пушкина был опечатан Жуковским по распоряжению Николая I. Для верности, кроме печати Жуковского, на двери была наложена еще вторая — жандармская. Обе эти печати видны на рисунке Мокрицкого, зарисовавшего Пушкина на смертном одре. Эта же зарисовка помогла восстановить дверь, ведущую из передней в кабинет. Обстановку передней описал В. Н. Давыдов (Русск. Стар., 1887, т. 54, стр. 162), посетивший квартиру Пушкина 30 января 1837 г.: „При входе, налево в углу, стояли один на другом два простых сундука, на верхнем — стул, на котором перед мольбертом сидел академик Бруни, снимавший портрет с лежавшего в гробу, головой к окнам на двор, Пушкина [1] ... Полы во всех комнатах (порядочно потертые) были выкрашены красно-желтоватой краской, стены комнаты, где стоял гроб, — клеевой яркожелтой“.

Приходивший поклониться праху поэта Ф. А. Бюлер описывает переднюю как „небольшую и очень невысокую комнату, окрашенную желтою краскою и выходившую двумя окнами на двор. Совершенно посреди этой комнаты

[1] Портрет этот выставлен в музее — в „детской“.



Пушкин на смертном одре. Рисунок А. Мокрицкого.

(а не в углу, как это водится), стоял гроб, обитый красным бархатом, с золотым позументом и обращенный стороною головы к окнам, а ногами к двери...“ (Русск. Арх., 1872, кн. 1, стр. 202). Из „Воспоминаний“ В. П. Бурнашева (там же, кн. 9, стр. 1809) видно, что в передней было довольно большое зеркало.

При реставрационных работах была восстановлена прежняя планировка комнаты и окраска ее стен. Меблирована комната несколькими предметами, характерными для передней, так как подлинных предметов не сохранилось.

В витрине у двери в кабинет экспонированы:

Посмертная маска Пушкина, снятая С. И. Гальбергом, с которой он потом сделал бюст Пушкина.

Пушкин на смертном одре, рис. А. Мокрицкого.

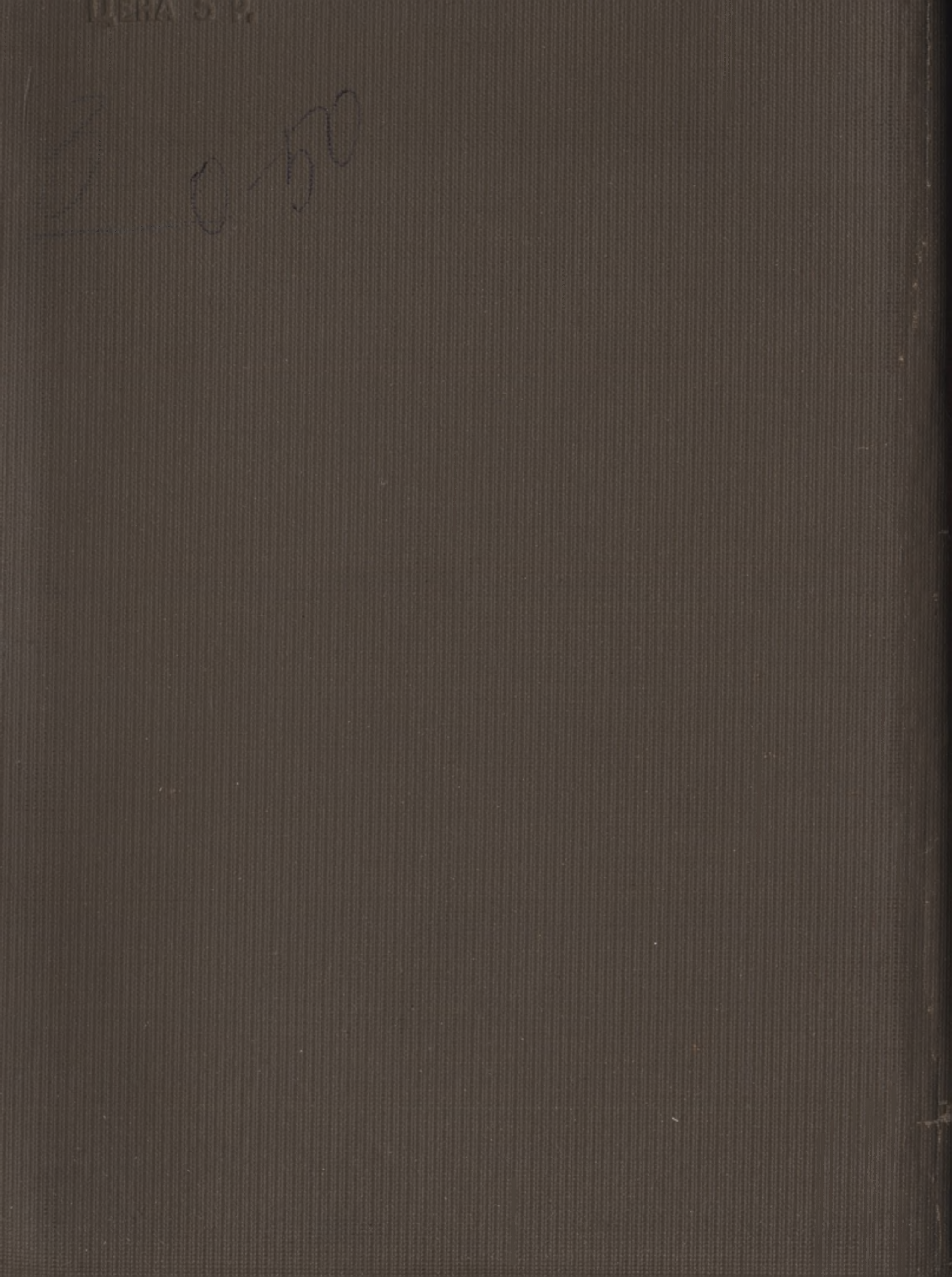
Медальон с волосами Пушкина, с автографом И. С. Тургенева к нему: „Клочек волос Пушкина был срезан при мне с головы покойника его камердинером 30 января 1837 года на другой день после кончины. Я заплатил камердинеру золотой. — Иван Тургенев. — Париж. Август 1880 г“.

7 февраля 1837 г. кабинет Пушкина был распечатан Жуковским и начальником штаба корпуса жандармов Л. В. Дубельтом. Рукописи и бумаги Пушкина были перевезены в квартиру Жуковского, где был произведен разбор их под наблюдением Дубельта, причем все, сколько-нибудь неугодное Николаю I и его сподвижнику Бенкендорфу, было уничтожено.

Прошло сто лет со времени смерти Пушкина, и каждая строчка его теперь ценится нами как драгоценность, украшающая великую русскую литературу. Творчество затравленного царской Россией поэта стало достоянием широчайших народных масс страны социализма.



ОГЛАВЛЕНИЕ


ЦЕНА 5 Р.